

Баркаръ Егор

ТРОПЫ

Выбор за тобой..?

Егор Геомарович Баркаръ

Тропы. Выбор за тобой..?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23932272

ISBN 9785448510243

Аннотация

Пока демоны веселятся в барах, а ангелы истребляют своих вечных врагов, Боги задумываются, а не начать ли им новую игру между собой. Всемогущие Творцы ставят девушку, потерявшую родителей, перед выбором: пойти ли тропой смирения бок о бок с демонами, или присоединиться к охотнику на демонов на тропе мести и крови. Однако, вот, что еще интересно Богам: как выбор повлияет на жизнь этой девушки. Так, живя в двух параллельных мирах, Челси ищет истинный смысл в прихоти Богов. Вот только... есть ли он?

Содержание

Пролог	5
Глава первая	16
Тропа Красная: Ниро	16
Глава вторая	32
Тропа Бледная: Женестьева	32
Глава третья	42
Тропа Красная: Кайл и Даниела	49
Глава четвертая	64
Тропа Красная: Челси	64
Глава пятая	80
Тропа Бледная: Челси	85
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Тропы Выбор за тобой..?

Егор Геомарович Баркарь

*Той, что хранит в своих руках мои надежды,
мое спасение
Машеньке*

© Егор Геомарович Баркарь, 2018

ISBN 978-5-4485-1024-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Эван проснулся от шума разбитого окна. Он прислушался, надеясь, что это ему показалось, но было ясно слышно, как что-то грохочет на первом этаже. Он разбудил свою жену.

– Быстро в комнату Челси, – скомандовал он, – и убегайте вместе через черный вход.

Шум внизу становился все громче.

Неужели грабители могут вести себя так неосторожно?

Эван поднялся с постели. Он вышел из спальни в поисках хоть чего-то, чем можно обороняться, и с неприязнью для себя понял, что только на кухне он может найти оружие. Передвигаясь на цыпочках, он старался двигаться медленно и неслышно. Он понимал, что должен защитить свою семью. Но что он, трусливый и худощавый, может сделать? Он всегда был груб в общении, но немошен в действиях.

Эван прислушался.

Шум доносился из другой части дома, это давало ему шанс добраться до кухни незамеченным. В страхе он тихо проскользнул от лестницы на кухню, бесшумно открыл кухонный шкафчик и вытащил нож. И через мгновение же услышал за своей спиной рычание. Он быстро развернулся.

Под лестницей застыло существо с волчьей пастью, и выше его в полтора раза. Эван закричал: «Бегите!», – а сам бро-

сился бежать в другую часть дома.

Сложно назвать Эвана проворным человеком, он так и не успел сделать и трех шагов, как волк двумя резкими прыжками оказался перед ним, загородив дорогу. Эван испугался. Он стал отходить назад, дрожащей рукой поднимая нож. Зверь схватил поднышающую на него руку и так крепко сжал ее, что Эван выронил нож. Оборотень метнул человека в другой конец комнаты. Мужчина ударился спиной о кухонные шкафчики и упал вниз.

Зверь, раскидывая в стороны мебель на своем пути, приближался к застывшему в страхе мужчине. В нем не было ничего героического или устрашающего: тонкие дистрофические ноги, ни мышц, ни ярости – ничего, что могло бы противостоять зверю. Эвана никогда нельзя было назвать особенным: жалкий человек, чьи глаза трепетали от ужаса.

Оборотень схватил его своей волосатой лапой. Голова добычи полностью поместилась в ладони. Зверь приблизил Эвана к себе, обнюхал его и зарычал. Этот человек не годился в качестве мяса: слишком плохой запах от прокуренных легких, алкоголь и фастфуд после стольких лет сделали его добычу неостребованным лакомством для гордых оборотней. Зверь почувствовал запах марихуаны от Эвана. Тот уже долгие годы не мог отказать себе в подобном удовольствии.

Мужчина решил сопротивляться. Он начал колотить кулаками по лапе оборотня, сжимавшую его голову. Зверь с яростью взвыл, не от боли, а от гнева, и вонзил свои ногти

в туловище жертвы. И теперь завопил человек.

Зверь бросил мужчину на пол. Одной лапой он схватил его за верхнюю челюсть, второй – за нижнюю, и потянул лапы в разные стороны. Вой и крики боли заполнили дом и всю округу. А оборотень медленно оттягивал свои лапы, сжимавшие челюсть. Ткани на лице человека стали разрываться, словно бумага. Разрез пошел вверх ото рта к щекам, затем выше – к скулам, и затем – еще выше.

Зверь вложил в свои руки больше силы и разорвал лицо человека. В одной руке он держал его нижнюю челюсть, а во второй – мертвое тело, истекающее кровью из мест, где раньше находилась челюсть.

Когда крики Эвана перестали доноситься из соседних комнат, его дочь уже была за пределами дома. Мать открыла окно и приказала своей дочери бежать к соседям, бежать туда, где может быть безопасно, а затем заперла окно.

Девушка обернулась, она кинулась к окну и закричала:

– Ты что делаешь? Выбирайся оттуда! Мама! Нам надо бежать! Нам надо...

Ее слова застряли у нее в горле. За спиной матери выросло существо больших размеров, с острыми, блестящими в ночи когтями. Огромная темная тень со сверкающими желтыми глазами в темноте приближалась к матери. Девушка в трепете попятилась назад и упала.

Оборотень схватил женщину, оставшуюся внутри. Его пасть раскрылась, а ноздри вдыхнули запах. Вот это тело

уже куда больше подходила для ужина... Организм, конечно, отравлен тем же, чем у мужа. Зверь догадался, что женщина тоже иной раз увлекалась и алкоголем, и травкой, но в меньших дозах. Но вот выглядела она куда лучше предыдущего блюда. Нежные черты лица, гладкие щеки, большие и красивые карие глаза. И в отличие от предыдущего тела, здесь было за что подержаться, что можно было сжать в своих руках. Наверняка, ее муж часто наслаждался ее телом, ее ароматом.

Теперь этим насладится оборотень. Он широко раскрыл пасть и вонзил свои клыки в лицо женщины. Кровь хлестнула из нее, окрасив окна. Она закричала еще сильнее мужа. А челюсть оборотня продолжать клацать, сжимая и пожирая лицо женщины все с большей жадностью. Кровь из ее лица текла по ее телу и капала с челюсти голодного зверя. Волк отпустил бездыханное тело, уставившись все еще голодными глазами на девушку, застывшую снаружи.

Ужас поглотил и парализовал Челси. Она не могла до конца понять, что произошло, надеялась, что все это сон, который вот-вот закончится. Она ничего не понимала, ничего не чувствовала, ничего не слышала. Перед ее глазами стояло чудовище, от которого ее отделяло лишь хрупкое окно...

Их головы покрыты черными капюшонами черных оде-

аний. Они пришли из темной пустоты в мир вечной ночи. Первое, что всегда видели вошедшие, – это висящие в темной пустоте часы, на которых после 00:59 всегда наступал полночь. Но времени здесь не существовало, как и законов физики, и любых других законов, кроме тех, которые выдумал хозяин этих мест. А хозяин этих мест... он не был ни Богом, ни человеком, ни демоном, ни ангелом. Единственный представитель своего вида. Боги создали его, наделили силой и возложили на него миссию: сохранять перемирие между Богами. А затем он скрылся из их мира туда, откуда мог управлять судьбами людей, в мир, где действовали лишь его законы. Будучи свободным, он обрел тело наиболее понравившейся формы жизни.

И теперь, в мире полного мрака бродит одинокий кот с натянутой на голову зимней шапкой. И ничто не может быть скрыто в этой тьме от его глаз: ни иллюзии, ни обман, и уж тем более – ни чары Богов.

Поэтому, хоть лики гостей были скрыты, Кот прекрасно знал их имена. Он спрыгнул с нижней ветви Древа, чьи размеры распознать не под силу было даже Богам. Гости видели, как темное пятно с белым брюхом приближается. Кот поправил очки на переносице и поприветствовал гостей.

– Мистер Уор, – кивнул Кот, когтями стягивая с себя свою шапку в знак уважения. – Госпожа Блесс.

Уор стянул капюшон и улыбнулся человеческой половиной своего лица. Вторая, правая половина лица, была обугле-

на, трещины в ней светились ярко-красным светом. И на второй половине лица Двуликого Бога скользнула ухмылка.

– И Вам доброго дня, Господин Кот, – сказал Уор.

– Здравствуй, – сказала Блесс, стянув с себя капюшон по примеру своего спутника. Она присела на корточки и почесала Коту шею под подбородком. – Как поживаешь?

– Вы, как всегда, милы и учтивы, госпожа Блесс, – ответил Кот, вытянув шею вперед. – А теперь помогите надеть шапку обратно, лапами это делать – слегка затруднительно.

Блесс подняла зимнюю шапку и одела ее обратно хозяину владений на голову.

– Чем могу быть полезен... снова?

– Думаю, ты знаешь, – ответил Уор.

– Конечно, знаю: очередная ваша игра, по другим причинам вы сюда не спускаетесь. Но я рад вашему появлению.

– Как всегда Коты рады появлению своих хозяев? – усмехнулся Уор.

– У меня нет хозяев. Или вы забыли? Тем не менее, вы всегда спускаетесь сюда, когда вам становится скучно враждовать.

Кот развернулся и пошел к Белому Древу, а бледная госпожа и двуликий воин последовали за ним.

– Эксперимент, всего-то, – начал Уор. – Мы хотим разрешить один маленький спор.

– Что за спор?

– Все тот же: выбор человека, – ответил Уор.

– Снова? Не надоело вам проводить одни и те же эксперименты раз за разом?

Кот подошел к стволу дерева, поставил на него одну переднюю лапу, затем вторую, затем задние, и пошел по стволу Древа вверх. Его гости последовали за ним и также спокойно пошли вверх. Под их ногами древо превратилось в тропу. Ветви напоминали тропинки, каждая из которых вела в разные направления. Кот уверенно шел вперед. То тут, то там возле них открывались новые тропы.

Ветви появлялись на каждом шагу. Те, что изгибались полукругом, напоминали маленькие озера, такие бассейны, на поверхности которых мелькали картинки. Кот называл их колодцами жизни. В них можно было разглядеть города и океаны, влюбленных мальчишек и девчонок, вместе коротающих ночи, или одиноких людей, запертых в своих четырехстенных коробках.

– Эти ветви, что отходят от дерева, – это путь, который выбрал каждый из ныне живущих? – спросил Уор.

– Угу, – ответил Кот. – А через мелкие озера, что вы видите, я наблюдаю за последствиями выбора. Каждая ветвь очень часто меняет свое направление.

– Но все они, длинные и короткие, находят свой конец, – сказал Уор.

– Как знать...

– Раньше мы спорили по поводу разных личностей, – сказала Блесс. – Мы хотели спросить тебя, можешь ли ты по-

казать нам сразу две истории одного человека. Можешь ли ты заставить ветвь расти сразу в двух направлениях, чтобы увидеть, какая из них будет расти дольше?

– Или какая из них даст больше плодов? – уточнил Уор.

– Здесь я могу все, – ответил Кот, продолжая путь. – И чего же именно вы хотите?

– Как всегда: дать выбор, – ответила Блесс.

– Только на этот раз мы хотим, чтобы человек выбрал оба варианта, – уточнил Уор.

– Вам, Богам, лишь бы с людьми играть да голову себе морочить.

– Такова наша природа, – сказал Уор.

– Нам сюда, – сказал Кот, свернув направо. – Люди, и вправду, созданы по вашему подобию: придумают себе проблемы, кто – от скуки, кто – из-за страха, а затем страдают от последствий. Прямо как Вы, когда выдумываете новые причуды.

– Не сердись, Котик, – сказала Блесс. – Ты ведь от скуки бы помер, если бы не мы.

Они продолжали идти по тонкой тропе. Блесс вглядывалась в картинки, что мелькали на каждом повороте. Она видела рождение девочки. На одном из поворотов она видела, как девочка убегает от мальчика, который в детском саду дарил ей свои любимые игрушки, а потом лез целоваться. Видела, как в школьные годы девочка защищала мальчика, которого сверстники посыпали оскорблениями. У девочки бы-

ли глаза разного цвета: голубого и желтого. Редкое чудо, которое люди решили обозвать гетерохромией.

Уор смотрел в другие озера и видел совершенно другие вещи. В озерах жизни всплывали картинки, как девочка выдумывала себе болезни, чтобы пропустить школу; как, повзрослев, она утешала подружек, которые имели неосторожность оступиться и совершить блудный поступок.

– Кто эта девочка? – спросила Блесс.

– Та, кто вам нужна, – ответил Кот, продолжая путь.

Через несколько поворотов они подошли к самому концу ветви. Кот присел, облизнул свою лапу и потер ею лоб. – Так чего вы хотите?

Уор и Блесс переглянулись.

– Мы хотим знать, что будет с одним и тем же человеком, если он выберет тропу крови... – начал Уор.

– И что будет, если он выберет тропу смирения, – продолжила Блесс.

– И на этот раз, – сказал Уор, – путь смирения укажу я.

– А я – путь крови, – сказала Блесс.

– Но как бы ветви ни крутились, определенные события должны случиться в обоих случаях, – сказал Уор.

– Понятно. Я так понимаю, чтобы ветви стали расти в разных направлениях, должно что-то случиться, что-то... весьма неприятное?

– К нашему сожалению... – сказал Уор.

– «К Вашему сожалению»..., – процитировал Кот. – Обо-

жаю ваше учтивое лицемерие. Ваши намерения я понял сразу, как вы только начали все рассказывать. За столько лет мне уже надоело калечить жизни людям ради ваших игр. У девушки, которую вы видели в колодцах жизни, скоро умрут родители. Они умерли бы, даже если бы вы не вмешались. Каждый из вас видел то, что хотел видеть. Скажите, она вам подходит?

– А если скажем, что нет, это что-то изменит? – спросил Уор.

– Кто знает, – ответил Кот.

Он приставил лапу ко рту, а затем надкусил ее. Кот поставил окровавленную лапу туда, где заканчивалась белая ветвь. Она сразу разделилась, превратившись в две тропы: красную и белую. Тропы стали медленно расти вперед, каждая в своем направлении.

– Надеюсь, ваша забава пойдет ей на пользу, – сказал Кот. – Или хотя бы одной из них.

А ветви продолжали расти.

– Вам пора, – сказал Кот. – Оправляйтесь сеять хаос и процветание.

Боги улыбнулись.

– На кого ставишь? – спросил Уор, натянув капюшон на голову.

– На девочку, – ответил Кот. – Ее зовут Челси Чойс, ей двадцать лет, и у нее очень красивые глаза. Вы уж не подведите ее. Жалко девочку.

Блесс кивнула и, попрощавшись, прыгнула в озеро справа, что появилось под красной тропой. Уор подошел к озеру под белой ветвью.

– Ты будешь вмешиваться в обе истории? – спросил Уор, оставшись наедине с Котом.

– Я существо свободное. Где хочу – там и хожу, – ответил Кот.

Уор ухмыльнулся и спрыгнул в озеро, исчезнув после этого.

Глава первая

Тропа Красная: Ниро

Что делать, когда у тебя есть талант, или хотя бы предрасположенность к чему-то? И ты сердцем чувствуешь, что вот оно: то, ради чего ты пришел в этот мир, но... это не приносит денег?

Работать.

Или хотя бы придумать, как воспользоваться своими сильными качествами для того, чтобы зарабатывать деньги. Ведь будь ты демоном или ангелом, а живешь среди людей – в мире, где всем правят деньги.

Ниро придумал, как выйти из подобного положения. Он охотник на демонов. Все, что умеет, – это охотиться и истреблять нечисть.

На жизнь он зарабатывает экзорцизмом. Он не имеет никакого отношения ни к одной из мировых религий, и уж тем более – к церквям. Но его клиентам это знать не обязательно. Свое дело он делает хорошо. И не важно – вселился ли в человека настоящий демон, или всему виной съехавшая крыша – а деньги он берет немалые. Как правило, убеждает клиентов, что подобный обряд нужно скрыть от церкви, а это стоит дополнительной оплаты.

В общем, на жизнь ему хватает.

В эту ночь он возвращался с работы, если это можно назвать работой. Рясу он скрыл под черно-красным плащом, а белый воротничок и вовсе снял.

И вот, курит он в темном переулке, на всякий случай, скрывшись в темноте, и смотрит на одинокую девочку, что стоит на другой стороне улице.

Что маленькая девочка забыла в такой час на улицах этого города?

Вот о чем задумался темноволосый юноша, стоя в темном переулке. На вид ему можно было дать лет двадцать пять. Короткие черные волосы, мужественные скулы. Довольно привлекательной внешности парень.

Ниро не зря волновал такой вопрос. Человек бы посочувствовал девочке, захотел бы ей помочь, иной – так вообще не обратил бы внимания и прошел мимо. Однако Ниро был не совсем человеком. И подобные странные вещи вызывали в нем, как минимум, настороженность. Он наблюдал за ней какое-то время. Девочка никуда не шла, она крутилась в своем розовом платье вокруг одного и того же места, будто ожидая чего-то или кого-то.

А ведь я надеялся отдохнуть в такой час, – задумался Ниро. – Ночка-то выдалась не из легких. Что же, придется ее проверить. Жаль, Кайл не со мной. Где его только черти носят сегодня?

Ниро вышел из темноты, скрывающей его, перешел улицу

и окликнул девочку. Та обернулась совершенно спокойно, будто чего-то подобного и ожидала.

– Ты не потерялась часом? – спросил Ниро.

– Потерялась не я, а мой мишка, – ответила девочка.

– Что еще за мишка?

– Плюшевый, моя любимая игрушка. Я не могу его найти.

Ниро почесал голову. Правая рука девочки была забинтована.

– Слушай, а не кажется ли тебе, что это не самая хорошая идея – искать медведя одной, еще и ночью?

– Но он же мой любимый, – рассерженно ответила девочка.

– И ты совсем не боишься гулять здесь одна?

– А я должна? – ответила девочка вопросом на вопрос.

Вообще-то да, будь ты хоть демоном, хоть человеком. Но в любом случае, ты слишком наивна.

Ниро присел на корточки, он посмотрел в глаза потерявшейся девочки и улыбнулся.

– Меня зовут Ниро. И в следующий раз избегай незнакомцев, которые ночью подходят к таким маленьким девочкам.

– А меня зовут Энни, и я не маленькая, – снова рассерженным тоном ответила девочка. – И почему я должна их опасаться?

– Они могут навредить тебе.

– А разве они не могут так же навредить и Вам?

Ниро усмехнулся.

– Вот уж вряд ли.

– Ну, тогда вы меня защищайте, а я буду защищать своего мишку, которого мне нужно найти.

Ниро хотел придумать что-то банальное, утешить девочку тем, что родители купят ей новую игрушку. Но ему показалось, что это бессмысленно.

Кстати, о родителях. Где они? Если спросить тебя об этом, ответишь ли? Не думаю. Ты совершишь в любом случае. Что же, будем тогда тебя выводить на чистую воду. Интересно, что ты будешь делать.

– Тогда давай вместе попробуем найти твоего мишку, Энни. Пойдем со мной, – Ниро встал и протянул девочке руку. – Его здесь нет, давай прогуляемся по улице, может быть, мишка затерялся в другом месте.

Энни взяла за руку темноволосого юношу и пошла с ним. Они искали игрушку на протяжении всей прогулки, внимательно всматриваясь под ноги. Чем дольше Ниро разговаривал с девочкой, тем больше усиливались его подозрения. Когда они проходили мимо бара, Ниро решил проверить, согласится ли она зайти с ним внутрь. Энни не отказалась и последовала за ним.

Когда они присели за барную стойку, Ниро сказал:

– Итак, давай уточним: ты – маленькая девочка, которая оказалась поздно ночью без присмотра родителей? Топталась на одном месте, пока к тебе не подошел незнакомец, который мог оказаться кем угодно, даже педофилом? Расска-

зала сказку про мишку, а потом зашла вместе с незнакомцем в бар, который находится в подвале жилого дома? И подсказки, каким это образом девочка могла поверить, что в месте, где заливаются алкоголем только взрослые дяди, могла потерять любимая игрушка.

– В таких местах теряется и находится больше, чем ты себе можешь представить, воин света... даже души...

Ниро усмехнулся.

– Опаньки, твое настоящее лицо начинает постепенно проявляться. Значит, ты даже не будешь отрицать, что ты не человек. Могу догадаться, что ты и не... «воин света».

– Посмотри на меня, Ниро. Ты где-нибудь видел воинов, похожих на восьмилетних девочек с бантиком? Да и нет смысла разыгрывать эту пьесу дальше. У нас мало времени, так что быстрее заказывай себе виски, а мне возьми чаю.

Ниро оценил взглядом девочку. Улыбнувшись, он подошел к бармену и сделал заказ. Дождавшись, когда бармен отойдет, Энни сказала:

– И радуйся еще, что у тебя такая смазливая внешность. Будь ты лысеющим сорокалетним толстяком, люди бы поглядывали бы на тебя, как на педофила. А так ты смахиваешь на моего старшего брата.

– Не тебя мне нужно благодарить за внешность.

Энни усмехнулась после этих слов. Когда подошел бармен с чаем, оба замолчали. Он поставил чашку рядом с Энни, достал бутылку виски и стал наполнять стакан.

– Только много ему не наливайте, ему еще на работу, – сказала Энни.

– Понял. Кем работаешь? – спросил бармен.

– Да так... мусор вычищаю, – ответил Ниро.

– Скромничает, – сказала Энни. – Следит, чтобы плохие дяди и тети не делали людям ничего плохого.

– Коп что ли? – спросил бармен.

– Можно и так сказать, – ответил Ниро и выпил виски одним глотком. Затем жестом попросил бармена повторить.

– Что за работа? – спросил Ниро, когда бармен отошел.

– Нужно спасти жизнь одной девушке, – ответила Энни. – Ее родители скоро умрут, этого уже не изменить. А вот ее спасти ты еще можешь.

– И ты сейчас непременно мне скажешь, куда мне бежать и кого спасать, угадал? Да только с чего ты взяла, что я тебе поверю?

– А у тебя нет причин не доверять мне.

– Как и нет причин верить. Вот только почему ты сразу не сказала мне про это, когда я тебя встретил. Прошло много времени, я бы мог успеть спасти ее родителей, знаешь ли, если бы...

– Ты бы не поверил. Я выбрала наиболее быстрый способ тебя убедить...

– Наиболее быстрый? Только не говори, что ты... знала все возможные пути развития нашей встречи заранее. Не хочешь же ты сказать, что ты... Ты...?

Оракул? Нет, быть не может. Оракулы так не вмешиваются в нашу войну. А рука у тебя забинтована. Либо, чтобы скрыть отличительную татуировку, либо чтобы создать иллюзию ее наличия.

– Я – тот счастливый подарок, который является каждому лишь единожды. Я та, кто знает, где ты был вчера, где будешь завтра. Та, что знает, от чего умрет бармен, отчего умрешь ты. И еще – я та, кого ты никогда не сможешь заставить участвовать в своей охоте.

– Не потому ли, что эта охота должна быть на тебя?

Энни взяла лежавшие под рукой стики с сахаром и швырнула их в лицо Ниро.

– Должны случиться события, которые случатся. И уже поздно что-то менять. Так ты хочешь узнать адрес?

Энни отпила глоток чая, ожидая ответа от своего собеседника.

– Нет... – проговорил Ниро. – Нет, я не верю. Ты же не хочешь сказать, что ты оракул?

– Оракулы никогда не хотят говорить, что они – оракулы, ты же знаешь.

Энни не признала, что она оракул, как и не отрицала этого. А Ниро и не верил в это, по крайней мере, сначала.

Я знаю, кто такие оракулы. Это – моя работа, как охотника.

Оракулы уже давно не принимали чью-либо сторону. Они блуждают в этом мире как наблюдатели. Не спасают

и не губят.

Они занимали сторону Света лишь в самом начале. Когда-то... когда Двуликий Бог и Бледная Богиня вели между собой нескончаемую войну, которая оказалась не такой уж и нескончаемой.

Воинов, что стояли на стороне Двуликого, позже в народе окрестили демонами. Оборотни, суккубы, ведьмы – все они славились кровожадностью, подлостью и хитростью.

Последователи же Бледной Богини не могли позволить себе пятнать свою честь. Отсюда и росли корни их вечных проигрышей в битвах. Так было, пока Бледная Богиня не даровала миру оракулов, которые знали все наперед. Силам «добра» стало легче предугадать действия своих соперников. Теперь они могли строить планы, заманивать демонов в ловушки. Силы сравнялись.

Но была и обратная сторона.

Однажды Боги увидели, во что превратился их мир. Люди, демоны и ангелы – все были лишены свободы. Они сражались, погибали и умирали только потому, что должны были это делать. Оракулы видели это. Тогда они обратились к Богам. Они просили их изменить природу всего существовавшего, на что никто из Богов пойти не мог, опасаясь предательства или хитрой игры со стороны своего соперника.

И тогда они даровали свободу всем своим созданиям. Они остановили войну, смысл и причину которой никто уже

и не помнил.

Миллионы жизней обнаружили себя в тупике.

«Что теперь делать, если убивать и похищать души теперь не имеет смысла?» – задумались демоны.

«Как теперь убивать демонов, если они перестанут убивать и похищать души?» – задумались ангелы.

И лишь оракулы знали, что теперь всех ждет. И они... просто ушли, испарились. Они исчезли.

Теперь, они появлялись лишь тогда, когда считали это нужным. Они являлись то к людям, то к ангелам, то к демонам, и говорили им то, что должны были говорить. Они меняли их судьбы. Или не меняли... Только оракулы знают, что именно они делали. Как бы там ни было, они направляли в нужную сторону, когда иное существо теряло свой жизненный путь. Поэтому иные видят в них своих спасителей и считают, что они просто появляются там, где еще возможно что-то исправить.

По крайней мере, именно так они оправдывали свое предательство. Они могли помочь избавиться от всей нечисти раз и навсегда. Но вместо этого они скрывались, не желая совершить то, для чего были созданы. Я больше склоняюсь к версии, что оракулы задумали свою игру. Они собираются где-то вместе и придумывают свой ход истории так, как это выгодно им.

– Возвращаясь к вопросу, почему ты должен мне верить, – сказал Энни, не выдержав долгих раздумий Ниро, – и от-

вечая на твой следующий вопрос: «Почему я должен это сделать?», – спрошу: «Что тебе ненавистно больше всего, охотник? Чему ты посвятил свою жизнь?» Только не говори, мол, тому же, чему и каждый воин света: войне с демонами. Не ври, ведь мы оба знаем правду.

Ниро молчал, глядя на пустой стакан, а Энни все говорила:

– Да, твоя природа заставляет тебя ненавидеть их. Но если большинство из вас преследует лишь великую миссию Света, то тобой движет личный мотив. Так что же это? Или уместнее спросить: «Кто?» Чье существование не дает тебе покоя? Кто убил твоего отца в честной дуэли? Из-за кого ты так усердно охотишься в каждое полнолуние? Давай же, охотник, скажи, кто должен умереть, чтобы душа и сердце твои обрели покой?

Я никому не рассказывал...

– Ты никому не рассказывал...

Ты не могла знать....

– Имя...

Что же, Хочешь сыграть, давай сыграем...

– Имя, охотник!

– Аврелий... Что ты знаешь о нем?

Улыбка сошла с его лица уже давно. Упомянув его имя, Ниро почувствовал, как ёкнуло его сердце, будто его пронзили обжигающим кинжалом.

– Один из его псов отбился от стаи и сегодня он в этом

городе. Хочешь выйти на Аврелия, тебе придется спасти девушку, и сделать ее одной из вас. Она не воин света, не демон, но человек, и поэтому только она выведет тебя на Аврелия. Она поможет тебе, если ты... сегодня поможешь ей. Ну так что, хочешь узнать адрес, охотник?

Оборотень-одиночка? Как тебя занесло так далеко от стаи? — размышлял Ниро, бегом преодолевая улицы.

Вы всегда охотитесь стаяй.

Да, бывают случаи, когда кто-то отбивается, но чтобы в городе... Вы так боитесь быть обнаруженными, что уже долгие годы не появлялась в городах.

Мчась по улицам ночного города, что освещались только фонарями, Ниро преодолевал квартал за кварталом.

Кочевники.

Он свернул в темный переулок, чтобы выиграть хоть немного времени.

Постоянно перебираетесь своей стаяй с места на место. А теперь... случилось сразу два редких случая одновременно? Оборотень отбил от стаи и забежал в город, и причем не на окраину, а так глубоко, в жилые районы... Это не может быть обычным совпадением.

Ниро остановился, он оказался на перекрестке, который ему назвала Энни. Но здесь не было никого. Он стал огля-

дываться по сторонам.

Здесь никого нет! Ловушка ли...?

Не успел Ниро додумать мысль, как услышал человеческий крик и сразу побежал на шум.

Кричал мужчина, значит, он уже не жилец. Возможно, удастся спасти хотя бы ее мать.

Как только Ниро услышал и женский крик, он понял, что этого уже сделать не удастся. Он увидел девушку, упавшую на газон. Ее белая ночнушка оголяла плечи, на которые падали растрепанные светлые волосы.

Челси не могла оторвать взгляда от окна, а по ее щекам текли слезы. Оборотень поднялся в полный рост. Он облизнул окровавленную пасть. Челси наблюдала за зверем, она не могла оторвать взгляда от ярко-желтых глаз. Зверь смотрел на нее, будто на десерт, на последний, самый лакомый кусочек этой вечерней трапезы. И вот, сгруппировавшись, оборотень уже был готов выпрыгнуть из окна и закончить начатое.

Внезапно окно треснуло, а зверь все еще был внутри. Из его глаза хлынула кровь. Он отшатнулся, немного скрутившись. Прижав ладонь к раненому глазу, он повернулся к своей добыче, и ужас, исходящий из его желтого глаза, пропал сразу, когда оттуда хлынул новый фонтан крови.

К девушке неожиданно подбежал незнакомый парень в черно-красном плаще. Он обхватил ее за талию и потащил назад, что-то крича, но Челси не могла слышать.

Зверь взревел и выпрыгнул из окна, безглазый, но полный ярости и гнева он побежал на появившегося охотника. Ниро не прекращал стрелять по оборотню. Он выпустил еще несколько пуль, которые попали в его ноздри. Зверь прыгнул на них, попытавшись схватить, но Ниро вовремя увернулся. Он выпустил еще несколько пуль в морду зверя.

– Убить его не сможем, но хотя бы задержим, – наконец-то услышала Челси своего спасителя. – Бежим.

Ниро потянул ее за руку. Он что-то говорил, но девушка его не слышала еще долгое время. Так они и бежали, Ниро тащил ее за руку, что-то тараторя, а Челси бездумно повиновалась, не будучи в силах даже осознать произошедшее до конца.

Значит, ты не врала, Энни. Ты знала, что так случится. Ты знала, с какой скоростью я буду бежать, знала, в какой именно момент я окажусь здесь. Ты подобрала определенный час нашей встречи, подбирала слова, даже скорость шага и темп речи – все, ради того, чтобы я оказался здесь именно в это время. Но почему? Почему ты не пришла еще раньше, почему не подстроила все так, чтобы я успел спасти ее родителей?

В тот вечер многое изменилось для Челси. Внутри нее исчез целый мир, а то, что осталось, перевернулось с ног на го-

лову. Неужели она теперь сирота? Ее родители, они...? И что это был за зверь? Что это за юноша, спасший ее? Когда шок прошел, все эти вопросы разом взорвались у нее в голове.

Ниро унес ее далеко, на окраину города, к берегу реки. Он говорил, что главное – дождаться утра. Но зачем – Челси не понимала. Она билась в истерике:

– Неужто рассвет может исправить весь тот ужас, который случился!

Она кричала:

– Что это может исправить?!

Челси схватилась за волосы так, будто собирается их вырвать. Ниро не мог вынести такого зрелища. Бедная молодая девушка, плачущая и бьющаяся в истерике. Сейчас он был готов посыпать проклятьями всех магических существ: тех, кто затеял эти игры, оборотня, даже самого себя, ведь он не спас бедных людей.

– Мои родители мертвы! – кричала Челси. – Что мне теперь поможет? О каком утре ты говоришь? О каком свете? Кто это был? Ненавижу! Ненавижу!

Ниро упал на колени рядом с Челси, обхватил ее плечи и сильно прижал к себе. Нашептывая ободряющие слова, он прижимал ее голову к своим плечам.

– Я позабочусь о тебе, – говорил он.

А она продолжала рыдать. Все слова, что она могла сейчас сказать или услышать были для нее бесконечно пусты и бессмысленны. А Ниро продолжал говорить, что поможет ей.

– Я познакомлю тебя с миром, о котором раньше ты могла слышать лишь в сказках, – шептал он, крепко прижимая Челси к себе.

Он рассказывал ей про ангелов и других светлых магических созданиях. Он обещал, что ее мир не погрузиться во тьму, что он поможет ей увидеть свет. Он обещал, что с первыми лучами солнца, она все поймет.

Так и случилось. Они еще долго просидели вот так. Она рыдала у него на груди, не в силах что-либо сказать или понять. Даже думать было тяжело. А он утешал.

– Обещаю, мы найдем убийцу. Я сделаю все, чтобы помочь тебе. Я сделаю все, чтобы к следующей встрече с оборотнем ты была готова дать ему отпор. Я покажу тебе, как убивать демонов.

Когда солнце стало пробиваться сквозь горизонт, когда первые лучи осветили зеленеющий весенний берег, когда стала рассеиваться тьма, и на поверхности реки образовалась ярко-золотистая рябь, отражающая солнечные лучи и напоминающая узенькую тропу света, когда в этом мире пропали все возможные звуки, а голос Ниро превратился в еле уловимый фон, когда весь мир потерял свою значимость, когда все происходящее замедлилось, словно в непонятном сне, перед ними заиграл яркий свет. В нескольких шагах от нее вспыхнул клубочек света. Увеличиваясь в размерах, он светил все ярче, все теплее, пока не стал напоминать силуэт человека.

Свет исчез так же внезапно, как появился, а на его месте появилась девушка с огненно-рыжими кудрями. То ли потому, что она явилась из света, или потому что лучи восходящего солнца озаряли ее, но Челси подумала, что эта девушка и была тем самым ангелом, про которого говорил Ниро.

Девушку звали Даниела, и она была не ангелом, а светлячком. Так называли тех Светлых, которые могли переноситься из одного места в любое другое, а их телепортация всегда сопровождалась яркими вспышками света.

Даниела подбежала к Ниро и Челси, опустилась на колени и посмотрела на бедную девушку. Та не могла оторвать глаз от светлячка, чьи глаза были полны сочувствия и добра к незнакомому человеку. Челси глядела в ее глаза, и чувствовала, что тонет в них, все еще думая, что смотрит на ангела.

– Я пришла сразу, как смогла, – сказала она, переведя взгляд на Ниро.

– Я знаю, – ответил Ниро.

– Я почувствовала еще ночью, что нужна тебе, но я...

– Я знаю, – мягко ответил Ниро. – Я знаю, Дани, ты не могла...

Даниела перевела взгляд на Челси.

– Прости, я не могла помочь раньше, – сказала она и обняла Челси.

– Переноси нас, – тихо сказал Ниро.

И яркий, ослепляющий солнечный свет тут же заполнил все перед глазами Челси и Ниро.

Глава вторая

Тропа Бледная: Женестьева

Женестьева – это именно та женщина, которую не забудет ни один мужчина, повстречавший ее в своей жизни. Ее боготворят с первого дня и до последнего. Одни называли ее музой, иные – дрянной сукой и сердцеедкой. Она не оставляет в сердцах мужчин места для любви к другой. Она дарит вдохновение, самые сильные чувства, на которое только способно человеческое сердце. А взамен – забирает души. Женестьева – суккуб¹.

Она прожила долгую, по человеческим меркам, жизнь, но в тот день выглядела, как молодая и энергичная девушка. Умело пользуясь своими способностями, Женестьева завела полезные знакомства, как среди людей, так и – демонов. Впрочем, как и все умелые суккубы.

Лишь с ангелами и прочими воинами света у нее не складывались дружеские отношения. Пользуясь таким знакомством, она блуждала теми дорожками, которые известны только демонам. Чтобы ходить по таким тропам, всегда ну-

¹ Суккуб, (от лат. succuba – любовница) – в средневековых легендах – демона похоти и разврата.

жен проводник, который взывает высокую плату, и лишь суккубы могут оплатить ее без вреда для своего существования.

В этот вечер не было проводника. Лишь очутившись в этом скрытом от человеческих глаз мире, Женевьеву встретил незнакомый проводник, которого раньше она не видела. Он предложил ей отправиться в непредсказуемое путешествие. Какое – секрет. Но за интересное предложение, он заберет гораздо больше душ, чем требуется.

– Это какая-то шутка? Может, вы лучше сделаете наоборот: отправите меня туда, куда я хочу попасть, и сделаете скидку, как постоянному клиенту? – отшутилась Женевьева.

Она тактично отказалась (как будто бы это могло что-то изменить). Но не успела суккуб и договорить, как из темного и мрачного мира ее вытолкнуло в мир настоящий.

Тогда-то она и поняла, что все это было неспроста.

– Ой, ты Боже! – воскликнула Женевьева, когда увидела в ночи огромного оборотня, готового накинуться на беззащитную девушку, распластавшуюся на свежей траве.

Женевьева прыгнула вперед и оказалась между зверем и ее добычей. Она увидела кровь, стекающую с клыков на волчью шерсть, и поняла, что эта юная девушка была не первой, кем оборотень собирался полакомиться.

Суккуб взвела руки к небу ровно в тот момент, когда животное ринулось вперед. Разбив своим громадным телом окно, животное полетело на Женевьеву. Но звука не было,

по крайней мере, Челси его не услышала.

Спиной к ней стояла девушка, вокруг которой внезапно взорвались фиолетово-розовые энергии. Вокруг нее образовались цветные вихри, которые резко откинули оборотня, только что попавшего в них. Женестьева закутила руками над собой, а фиолетово-розовые потоки энергии послушно вращались в такт ее движения. Она сделала выпад и направила всю энергию на оборотня. Потоки энергии цепью сковали зверя. Судя по тем воплям и рычаниям, которые издавал зверь, жгучие цепи причиняли ему немалую боль.

Оборотень упал на колени. Ревя от боли и отбиваясь от магических цепей, он махал лапами и пытался одолеть обрушившуюся на него силу. Сковывающие цепи прожигали его плоть, а воздух наполнился вонью горящей псины.

Женестьева сделала еще одно усилие над собой, и новые магические лучи полетели в оборотня. Ноги зверя подкосились полностью, он упал на живот. Он рычал, но уже тихо и злобно, превозмогая боль и ожоги. Приподняв свою морду, он смотрел на суккуба, объявившуюся так не вовремя, и на свою добычу, так удачно избежавшую своей участи.

Женестьева обернулась, схватила за руку девушку, чьи глаза были не только разного цвета, но и безумно велики. Только по ним можно было с легкостью догадаться, что бедное дитя не имеет ни малейшего представления о происходящем.

– Идем со мной, – молвила Женестьева и подняла вверх

свободную руку, которую обвили синие линии.

Она выстрелила синим сигнальным огнем из рук, и тут же весь мир потускнел. Последнее, что помнила Челси, как черные костлявые руки сзади обняли ее и потащили за собой.

– Еще раз спасибо за зелье, – закрывая дверь в свою квартиру, сказала Женевьева уходящему гостю.

Она вернулась на кухню. Здесь все еще царил запах утреннего кофе с нотками только что приготовленного зелья, отдающим запахом серы. Она взглянула в чашу, в которой было что-то ярко сияющее, что, если верить ее знакомой ведьме, сможет помочь девочке. Из того зловещего места, которое когда-то называлось домом для Челси, они переместились прямо сюда, в апартаменты Женевьевы. А девочка все еще спала.

Для нее же лучше, – думала Женевьева, – легче будет перенести пережитое. Я не имею ни единого понятия, как объяснить бедняжке, что именно вчера случилось.

Женевьева посмотрелась в зеркало. Ее идеально уложенная вечером прическа превратилась в сухую копну сена с секущимися кончиками, а некоторые прядки были вообще седыми. Ее недавно молодое личико теперь напоминало физиономию недовольной старухи. А когда она посмотрела на свои вновь объявившиеся морщины, так вообще откину-

ла зеркало от себя подальше.

– М-да, такие метаморфозы за одну ночь не вынесет ни одна девушка. Это еще хорошо, что какой-нибудь любовник не додумался навеститься ко мне с самого утра... Потеряла бы поклонника навсегда. Интересно... а моя грудь...

Она занесла руки за спину под футболку, отстегнула лифчик и сняла его через футболку. Затем оттянула ее и, прищурившись, посмотрела на свою грудь.

Резко отведя взгляд в сторону и прижав футболку к груди, она сказала:

– А вот это уже настоящий кошмар.

Она провела так еще какое-то время, изучая свое тело, насколько сильно оно изменилось. Осматривала свои зубы, щупала свои бедра, исследовала кожу. Долго расчесывалась, тщетно пытаясь придать своим некогда черным волосам прежнюю стрижку и вспоминая, как же она любила свое каре. Снова изучала свои бедра, пока не услышала, как ее гостья зашевелилась на диванчике в гостиной комнате. Она мельком заглянула через дверной проем, убедилась, что девушка проснулась, а не всего лишь перевернулась во сне с одного бока на другой. Захватила зелье и вернулась к Челси.

– Держи, – сказала Женевьева и протянула чашу с зельем гостье, – тебе полегчает.

Челси посмотрела на свою спасительницу, в ее памяти только стали проноситься события той ночи, и она без колебаний повиновалась. Она сделала глоток.

– Что это? – спросила она. – Оно совершенно безвкусное.

– Считай, что тебе повезло. А ведь могло быть на вкус как чай с заплесневевшим имбирем. Пей до дна.

Челси повиновалась. Она опустошила чашу, поставила ее на столик, что стоял рядом, потеряла свой лоб, а затем собрала свои светлые волосы и откинула их назад, чтобы они не мешали.

– А вчера ты выглядела куда моложе, – сказала она ровным голосом, напроць лишнего интереса к чему-либо.

– Тебе спасибо, – ответила Женевьева. – Ты мне теперь должна сотню душ.

– Что вчера произошло? – спросила Челси.

Этого вопроса Женевьева боялась больше всего. Она знала, что этого разговора никак не избежать. Слава Богам, хотя бы благодаря зелью, этот разговор будет куда легче и обойдется без слез. Она присела возле девушки и спросила:

– Что ты помнишь? Хотя нет... не отвечай, уверена, что ты...

– Я помню, как животное убило моих родителей, а потом ты спасла меня. Если это все не приснилось мне, или не было результатом каких-то наркотиков, – проговорила Челси, глядя в пустоту перед собой.

– Ох, лучше бы это были наркотики, – пробубнила себе под нос Женевьева. – Да, ты помнишь все правильно.

– Что это был за зверь? И почему я не чувствую сейчас ничего, кроме пустоты? Ни горя, ни депрессии, ни шока, ни

ненависти.

О Боги, ну как мне теперь объяснить тебе, что отбившийся от стаи оборотень вчера пустил твоих родителей на фарш? Как объяснить тебе, что ты стала сиротой, и в таком юном возрасте тебе придется заботиться о себе самой? Как мне пересказать тебе историю, которой несколько тысяч лет, за несколько минут. Это сейчас ты под зельем, а когда эффект закончится, все чувства, что сдерживаются – они вернутся. И с такой силой, что перенести это человеку, тем более такой юной, как ты, будет просто не под силу.

– Ты не чувствуешь эмоций потому, что ты выпила только что зелье, приготовленное моей подругой-ведьмой. Оно избавляет на время человека от чувств. Очень полезная вещь, когда нужно пережить тяжелый период в жизни.

– Это уже что-то объясняет, – промолвила Челси. – Что насчет зверя?

Прядь светлых волос снова упала на ее глаза, но она никак на это не отреагировала. А Женестьева продолжила:

– В это сложно будет поверить, но ваш... наш мир наполнен существами, которых сложно назвать людьми.

– Вот уж чудо ты мне только что открыла. А то я не догадалась об этом, когда одно такое существо на моих глазах сожрало лицо моей матери, – сказала Челси.

М-да, это зелье ни капли не упрощает разговор.

– Ладно, не буду с тобой, как с ребенком. Прежде, чем

объяснить, кого ты вчера видела, давай внесу определенную ясность. Хочу, чтобы ты уяснила раз и навсегда: вы, люди, не одиноки в этом мире. Библейские сказки об ангелах и демонах – сказки лишь отчасти. Мы существуем, и существовали достаточно долго время. Наверное, столько же, сколько и существовали люди. Только раньше нас было больше, гораздо больше. И раньше, в далекие времена, мы вели между собой яростную и кровопролитную войну. И войну вели не столько мы, ангелы или демоны, а сколько наши Боги. Война, причина которой была известна только им, шла до тех пор, пока они не опомнились и не увидели, во что превратился мир после многовековой вражды. Они объявили перемирие, после которого мы были предоставлены самим себе. Казалось бы, мы могли прекратить ненавидеть друг друга. Но как изменить в себе то, что заложено было природой тысячи лет назад? Война прекратилась. Да вот только демоны продолжали существовать только за счёт людских душ. Мы ведь не можем по-другому. А ангелы – так и продолжили истреблять подобных демонов. Все осталось прежним, изменились лишь масштабы.

– Как это касается меня и моей семьи? – все так же без интереса спрашивала Челси.

– Наверное, никак. Но тебе стоит это услышать.

– Ради чего?

– Просто слушай.

– Есть силы тьмы, и есть силы света. Но это совершен-

но не значит, что светлые – добрые, а демоны – чистейшее зло. Как среди демонов теперь встречаются те, кто пытаются всячески помочь людям (иногда да, не самыми приятными способами, но все же); так и среди воинов света встречаются мясники, единственная страсть которых – выворачивание демонических тел наизнанку. Таких ангелов благополучие людей ни капли не заботит. Порой они о вас вообще не думают и готовы пренебречь вами ради блага других.

– «Краткость – сестра таланта» – явно не о тебе.

– Дорогуша, ты и малейшего представления ни имеешь о моих талантах. Продолжим. Если коротко о себе, я – суккуб. Существо, которое было создано для того, чтобы отнимать одним лишь поцелуем души других. Моим предкам приходилось делать страшные вещи и проживать сложные жизни. Но не теперь, когда нам дарована свобода. Ведь в конечном итоге, важно не столько кто мы есть, а то – как мы этим распоряжаемся. А тот, кого ты вчера видела – оборотень. Как и я, он принадлежит силам тьмы. Но это не значит, что мы с ним заодно. К этому я и пыталась подвести тебя все это время. Мы оба – демоны, но наши взгляды на жизнь расходятся. Скажу тебе честно, оборотни – не такие уж и противные существа. Уже долгое время они сторонятся людных мест, тем более городов. И всегда держатся стаями. Вожак каждой стаи следит за тем, чтобы такие события, как вчерашние, никогда не происходили. Но вчера, видимо, что-то пошло не так.

– Ты хочешь сказать, то, что случилось с моими родителями, – не более чем несчастный случай? Так – неприятное стечение обстоятельств?

– Ох...

Женевьева убрала прядь волос, свисающую перед глазами Челси, затем она обняла и прижала ее к себе. Челси склонила свою голову на груди Женевьевы, а суккуб продолжала:

– Милая, прости... Ты не должна мне никаких душ. Я помогу тебе справиться со всем горем. Хочу, чтобы ты поняла, – да, это именно неприятное стечение обстоятельств, которое порой имеет место быть. И никто от этого не застрахован. Я помогу тебе справиться. Об одном тебя прошу – смирись. Как бы больно не было, как бы сердце твое не кричало и не страдало, прими истину. Люди в этом мире не одни. И вы бессильны перед тем, что по природе сильнее вас. Я научу тебя, как справляться. Я расскажу тебе все, что тебе нужно знать. Расскажу тебе о том, кто я. Познакомлю с другими демонами, и ты поймешь, насколько сильно мы все отличаемся. Только прими... прими то, что случилось и отпусти. И лучше это сделай сейчас, когда эмоции в тебе молчат, и есть лишь голос разума. Иначе, если ты пойдешь на поводу слепых эмоций и захочешь мстить, дорогуша... прости, но тебя будет ждать та же участь, что твоих родителей. А я... я обещаю тебе свою защиту.

– И что мне делать с твоей защитой и смирением?

– Жить, милочка, жить...

Глава третья

Ушко, выглядывающее из-под шапки Кота, рефлекторно дернулось, предупреждая о появлении гостя. Стоило лишь Богу ступить в мир вечной ночи, как позади него раздался привычный спокойной голос:

– Так скоро вернулись, мистер Уор?

Уор обернулся, и, увидев Кота, поприветствовал его.

– И почему я не удивлен, что вы пришли раньше Госпожи?

Уор пожал плечами и сказал:

– Наверное, потому что здесь нет ничего удивительного: она снова тратит лишнее время на разговоры.

– Возможно. Вы правы: ничего удивительного, ведь легче и быстрее свою подопечную поставить перед фактом, бросив в самую гущу событий. А Госпожа Блесс... кажется, она этими разговорами дает выбор, если не ошибаюсь?

– Она лишь дает иллюзию выбора. Я же в серьезных вещах более искренний и честный: не обманываю хотя бы себя.

– Вы всегда найдете, что ответить.

– Мои ответы еще нужно заслужить.

– Ну да... – хмыкнул Кот. – Зачем пожаловали?

– Пройдемся, – сказал Уор, жестом приглашая Кота прогуляться.

Кот пристально посмотрел туда, куда указывал Уор.

– В пустоту? Как вам будет угодно.

– Вообще-то, я надеялся, что ты проведешь меня к Древу, – улыбнулся Уор своей человеческой половиной.

– Ах, это... Мистер Уор, надо яснее формулировать свои желания и предложения. Уж кому-кому, а вам-то это известно.

Кот пошел вперед. Тьма рассеялась, и перед ними выросло огромное Белое Древо.

– Я понадеялся на твое гостеприимство, – последовал Уор за Котом.

– И зря.

– Что за нотки неприязни я слышу в твоем голосе?

– Вам показалось, мой господин. Так... зачем, вы говорите, пожаловали?

Оба ступили на ствол древа и, не спеша, отправились пешком вверх.

– Мне стало любопытно. Ты создал из одной ветви – две: красную и бледную. Не покажешь ли, как теперь растет красная ветвь? И не образовалось ли...

– Так вы знаете, – перебил его Кот. – Вы так быстро догадались? Или знали заранее? Хотя, не отвечайте. Ответ, мне кажется, я уже знаю.

Обугленная половина Уора взглядом оценила Кота и ухмыльнулась. Они прошли какое-то время молча. Белые тропы возникали под ногами Мистера Уора так же, как и в первый раз: то, как они будут извиваться, мог знать и видеть лишь Кот, уверенно выбирающий дорогу. Уор не заглядывал

на этот раз в колодцы жизни, они были ему безразличны. Они снова свернули в том месте, в котором свернули в первый раз, и когда Кот привел Двуликого Бога к месту разветвления, он указал на две тропы.

– Вот они, – сказал Кот. – Что вы хотели здесь увидеть?

Уор окинул взглядом обе ветви: они росли в разных направлениях, все больше отдаляясь друг от друга, как и задумывалось. Однако обе половины Уора выражали недовольство.

– Я хочу увидеть то, что ты скрываешь. Показывай.

Кот посмотрел в глаза Бога. Затем тяжело вздохнул и повиновался. Возле красной ветви тут же выросли несколько других ветвей такого же красного цвета. Только росли они будто от другого дерева. Были видны лишь их кончики, которые парили над тропой Красной Челси. Они росли в противоположенном направлении, беря свое начало где-то в пустоте.

– Ваш эксперимент, Мистер Уор, затронул не только девочку, первоначальную цель, но и тех, с кем она контактирует. Каждого из них, если быть точным. Девочка меняет биографии этих людей. Те, в свою очередь, – биографии других, и так далее, и так далее. Как снежный ком. Но вы ведь, это уже знали, не так ли?

Уор молчал, он всего лишь довольно улыбался. После чего сказал:

– К тебе будет просьба: скрой их от Госпожи Блесс. Она

ведь тоже в скором времени придет сюда без моего ведома. Такие уж у нас игры. Я хочу, чтобы она не знала о подобном побочном эффекте.

– А вы активно подтверждаете свою репутацию: ведете двойную игру. Как это на Вас похоже.

Уор лишь улыбнулся этим словам, он присел и почесал Кота за ушком.

– Эй, не будь ко мне так строг. Ты ведь знаешь: и я, и Госпожа Блесс одинаково блефуем в наших играх.

Кот молчал.

– Считаешь меня двуличным?

Кот приподнял бровь, будто спрашивая: «А разве это не так?»

– Нет, – ответил Уор, – не разочаровывай меня. Не будь как все. Ты ведь знаешь правду. Взгляни в мое лицо и скажи, что ты видишь? От тебя ведь в этом Мире ничего не скрыть. Любой обман и фальшь, игра, интрига, уловка тобою вмиг будет распознана. Я Двуликий, но не двуличный. Так скажи мне: вру ли я? Или, может, затеял темную игру?

Кот пристально вглядывался в Бога, так искренне и по-доброму улыбающегося; в Бога, который не мог остановиться и продолжал гладить Кота.

– Светлые намерения в темном Боге, – вот что я вижу.

– Так, значит, просьбу мою ты исполнишь?

Кот молчал, обдумывая ответ.

– Ты ведь умен. Видишь и знаешь, наверняка, больше на-

шего. В твоём распоряжении Древо Судеб: ты можешь следить за настоящим, будущим и прошлым каждого ныне живущего и ранее существовавшего. Ты знаешь, к чему все идет.

Кот убрал свою голову из-под рук Двуликого. Он посмотрел на красные ветви, махнул головой, и те стали исчезать.

– Спасибо, – сказал Уор.

– «Спасибо»? Вы – Бог, мистер Уор. Никогда не куплюсь на то, что благодарность от Бога может быть такой скудной: одно несчастное «спасибо». Вот уж нет.

– И что же ты хочешь? – ухмыльнулась темная сторона Бога.

– Не так уж и много. Я кое-что скрыл, значит Вам – придется кое-что раскрыть. Много я не прошу: лишь ответ на один вопрос.

– Что ж, справедливо. Спрашивай.

– Вы, действительно, так любите Госпожу Блесс?

Уор усмехнулся. Ему явно понравился вопрос. Он привстал и отошел к краю тропы.

– Видишь ли, дружище, – начал он, – наша Госпожа Блесс, безусловно, – Богиня света. Хранит в себе добро и красоту этого мира, его величие. Без ее любви к этому миру, без ее правил, ее доброты – не было вообще никакого смысла в существовании каждого из нас. Она живет... жила... внутри этого блаженного света. А свет – он, как известно, ослепляет. Ты радостно смотришь на него, но прищурившись... не за-

мечая того, что за ним. И это ее величайшая слабость. Она не видит то, что за его пределами, потому что там, где заканчивается свет, начинается тьма. И она ошибочно принимает ее за нечто страшное, злое, враждебное. Возможно, в этом больше моей вины. Но... как и люди, она отрицает то, чего понять не может. Я же... посмотри на меня. Я не двуличный, нет, и никогда им не был, как бы мои поступки не трактовали. Часть меня, – Уор указал на свою человеческую половину, – видит этот мир в том же свете. Поэтому я могу понять, что она думает, что она видит, и как она воспринимает свет. Моя же вторая половина – живет во тьме. И поэтому я вижу, как тьма порой бывает величественна, прекрасна и оправдана. Мне дано видеть этот мир с обеих сторон. И все, что я делаю, я делаю для нее, для того, чтобы она наконец-то смогла понять, что тьма – не значит зло. Это сложно сделать, хотя бы потому, что для того чтобы это увидеть, ей нужно одолеть свою природу. А даже Богам это сделать – ой как не просто. В своих мотивах я наивен и прост, как и люди, я хочу счастья для нас обоих. Что пока невозможно. Ты спрашиваешь, действительно ли я ее так люблю? Милый мой друг, никогда больше не применяй это пошлое и заезженное слово по отношению к нам. То, что я чувствую к ней, гораздо выше, сильнее и важнее. И когда я добьюсь своего, когда она поймет меня, мой мир, мои чувства и намерения, когда она примет это и ответит взаимностью, тогда и только тогда наши подопечные: ангелы и демоны, – смогут зажить поис-

тине мирной жизнью. И мои дети, кстати, чувствуют это где-то внутри, даже если и не осознают это. И уже делают первые шаги на пути к своему искуплению и к тому, что должно случиться. Именно поэтому я и прошу тебя: скрой от глаз Блесс красные тропы, хотя бы на время. Дай мне время все подготовить. И не проговорись ей, – подмигнул Уор.

– Шансы осуществить ваши мечты – очень призрачны, Мистер Уор.

– Знаю, поэтому я готов пойти на все, чтобы добиться своего.

– И вы готовы пойти по головам... пожертвовать жизнями, если придется – то не единицами, не сотнями, а даже целым миром.

– Что значит жизнь нескольких поколений по сравнению с жизнью всей цивилизации? Я добьюсь своего, вопрос лишь в цене, которую придется заплатить.

Кот почесал свою голову. И поразмыслив над словами Двумликого Бога, сказал:

– М-да, в таком случае уж лучше я помогу Вам. Так, хотя бы обойдемся малой кровью.

Тропа Красная: Кайл и Даниела

Прошел год с тех пор, как мистер Уор и госпожа Блесс обратились к Коту за помощью; как Челси потеряла свою семью и обрела новую. В день знакомства с ангелом по имени Кайл и светлячком Даниелой Челси перекрасила свои волосы в красный цвет. Она стала сильнее, узнала про существование демонов, их фракций и не раз с ними сталкивалась. Весь год Ниро помогал ей сражаться с горем. И в перерывах между обучением, отлавливанием демонов, они искали стаю оборотней, которых ненавидели каждой клеткой своих тел и душ.

Даниела и Кайл стали ей новыми близкими друзьями. Именно от них она узнавала о воинах светах. Так Челси узнала, что ангелы – самые первые, самые древние воины света. И им пришлось сильно попотеть, чтобы не стать самыми слабыми воинами в древней войне. Их силы сначала были довольно примитивны. Да, они были безумно красивы, все ангелы на удивление были хороши собой, чем и заслужили любовь всего мира, но их способности были далеки от совершенства в те времена.

Первой и, пожалуй, основной их способностью было умение различать грех, зло... все плохое, что было в людях. И это же зрение позволяло с легкостью распознать демонов в человеческом облики среди людей. Поначалу им необхо-

димо было какое-то время, чтобы увидеть зло. Порой на это уходило несколько дней. Но это был так давно, что никто и не помнит.

Эволюция и постоянные тренировки с годами их сделали сильнее, и теперь им достаточно всего лишь несколько минут общения с человеком, чтобы увидеть в нем всю изнанку его души. Ауру демонов они распознают с той же скоростью, только лишь не могут распознать фракцию.

Но эволюция не всегда шла им на пользу, ведь и демоны на месте не стояли. Тьма постоянно изобретала новых демонов, с новыми способностями, перед которыми ангелы были бессильны. И чтобы не быть стертymi с лица земли, им приходилось усердно работать. Со временем им были дарованы крылья.

Когда Госпожа Блесс стала привлекать людей в войну между тьмой и светом, она создала охотников за демонами. В те времена ангелы не были воинами, они могли лишь вести охотников, указывать им на врага. Конечно, они тоже могли взять меч в руки и сражаться, но у них было меньше шансов. Ведь охотники на демонов обладали улучшенными физическими характеристиками: они были гораздо сильнее и быстрее людей, но все еще оставались людьми. Поэтому охотники – единственный класс воинов по обе стороны фронта, чей век не долог.

После одной из побед госпожи Блесс над Двуликим Богом, она даровала ангелам новые силы. И после этого анге-

лы умели контролировать магическую энергию. Немало демонов, которых не поставили в известность о новых способностях ангелов, было поджарено молниями.

Ангелы долго старели, особенно по людским меркам. И чем старше они становились, тем искуснее они становились в сражениях. Ангелы, которым повезло дожить до своей ангельской старости, даже не прибегали к использованию магии в боях со временем. Искусство владения меча для них было свято. Для них стало предпочтительней своими руками изрубить тело демона до неузнаваемости, нежели поджарить его магией.

А светлячки были самыми молодыми воинами в армии света. Но воинами их сложно назвать. Они больше выполняют роль транспорта за счёт телепортации. Цены им не было в те дни, когда нужно было переместить многочисленную армию на другой край мира. Источник их силы – свет. Поэтому они так излучают солнечный свет при телепортации, за что и получили свое название. Кроме того, светлячки светились и изнутри. Людям и демонам этого не увидеть. Общаюсь со светлячками, они могут это лишь почувствовать – что их собеседник светиться изнутри, и этот свет, добро и энергия, которая в них кроется, неустанно источается в этот мир.

И лишь ангелы своими всевидящими глазами могли увидеть в них этот свет. По словам ангелов, свет, излучаемый светлячками ежесекундно, – самое великое в мире чудо, и они никогда не видели ничего прекраснее.

Наверное, поэтому между ангелами и светлячками всегда завязываются романтические отношения. Ангелы – единственные, кто могут по достоинству оценить их красоту, а светлячки – единственные, кто не может разочаровать ангелов, ведь они так любят отсутствие тьмы.

Кайл – молодой ангел. Как и вся его фракция – красивый, очень милый светловолосый юноша. Ни Даниела, ни Кайл так и не раскрыли перед Челси свой возраст. Оба выглядят на двадцать или двадцать пять (черт разберешь нынешнюю молодежь: кто в шестнадцать выглядит на все двадцать, а бывает, что и у двадцати трехлетнего до сих пор спрашивают паспорт, чтобы продать сигареты).

Итак, спустя год, история снова продолжается. И начало она берет с Кайла, мирно отдыхающего в парке на скамейке. Весна в этом году была ранней. Природа уже успела расцвести, воздух наполниться свежестью, а парк – людьми: влюбленными парочками, мамашами с детьми и бегунами, поддерживающими свое тело форме. Кайл не любил наблюдать за людьми, он бы с радостью отвлекся бы на красоту природы, но долг обязывал выполнять свою работу. Он всматривался в людей в поисках нужного человека. Его дар – различать грех и зло во всем живом – был его же проклятием. Именно из-за него он быстро находил слабости людей, видел их тайные желания. Это достаточно быстро вызывало отвращение. Он не социопат и не мизантроп, людей он любит, но терпеть – не может. Будучи столь сконцентрированным,

Кайл не заметил, как к нему подкралась сзади. Кто-то закрыл руками ему глаза, и он услышал столь приятный для него голос:

– Догадайся, кто подкрался и, на твое счастье, хочет тебя не убить, а поцеловать?

– Дани... – он прикоснулся к нежным рукам на своих глазах, сжал их, опустил ниже, чтобы поцеловать.

– Привет, – радостно сказала Даниела, обошла скамейку, присела рядом и поцеловала его.

– Привет, – ответил Кайл, – я скучал по тебе.

– Ты всегда скучаешь по мне, – ответила она.

– Ну, как успехи?

Даниела закинула ногу на ногу и коснулась кончиком зеленых конверсов (самой удобной, по ее мнению, для светлячков обуви) ноги Кайла. На его джинсах остался желтоватый след, который Даниела быстро оттряхнула, а потом слегка развернулась спиной к Кайлу и оперлась о его плечо. Ее бедра скользнули чуть вперед, и Даниела приняла полулежащее положение, а затем почувствовала руку Кайла, обнявшую ее.

– Оставила Челси и Ниро в горах Калифорнии, теперь они ищут стаю там. Решила их оставить одних и прийти к тебе. О, Боги! Видел бы ты, как там красиво! Какие пейзажи! Но там холодно, а я одета по здешней погоде.

– Верю. По тебе видно, что тебе было недавно холодно, точнее – по твоей груди. А еще по ней видно, что ты сегодня

не надела лифчик.

Даниела посмотрела на свою грудь и попыталась застегнуть куртку.

– Не надо, – сказал Кайл, – тебе так идет.

Он взял ее за руку, не дав Даниеле застегнуть куртку, и крепко, но с нежностью сжал ее ладонь.

Даниела откинула шею назад и посмотрела вверх, чтобы увидеть глаза Кайла. Она увидела его довольную улыбку и слегка прищуренные каре-зеленые глаза.

– Торчащие из-под футболки соски всем девушкам идут, – улыбнулась Даниела.

Кайл не стал спрашивать, заметил ли кто-то ее внезапное появление. Это было ни к чему, Даниела всегда умела появляться незаметно. Это единственное, в чем она умело не привлекать внимание. В остальных же случаях стоило Кайлу где-нибудь с ней появиться, и взоры окружающих всегда обращались к ним. Кайл думал, что, скорее всего, это из-за природы светлячков. Когда кто-то излучает столько света, пусть даже незримо для человеческого взгляда, это всегда привлекает, как минимум, любопытство. Поэтому дети всегда с радостью любят Даниелой, а парни пытаются «подкатить», и всегда обламываются. Некоторым Даниела говорит, что у нее уже есть парень, иным же, самым самоуверенным и нахальным, достается и еще как.

Кайл не раз с удовольствием наблюдал, как Даниела не только отшивала парней, но и могла за несколько минут

высмеять все их моральные недостатки, прочитав нотации и дать понять, насколько эти «пикаперы» убоги и недалеко в умственном развитии.

Именно из-за такого всеобщего внимания светлячков трудно называть идеальными партнерами в слежке. Но Кайла это никогда не волновало. Он знал, что с ней он будет привлекать много внимания. Но без нее – его время проходит в тоске. Когда она рядом – все по-иному. Ему никогда не надоедало любоваться своим рыжим чудом.

– Что мы делаем в парке? – спросила Даниела.

– Нам девочку нужно найти. На днях я наткнулся на слухи, что одной студентке все время не везет. Девочка, мол, хорошая, учится много, но в учебе, в отношениях, да и по здоровью – беда на беде.

– Значит, девушку себе новую выискиваешь? Понятно, – съехидничала Даниела.

– Ну да, ты-то мне зачем? Задолбала уже.

Даниела локтем ударила в бок Кайла и спросила:

– Кёрсер?

– Да, скорее всего кто-то из этих мразей, что питаются чужими неудачами и бедами. Друзья девочки говорят, что раньше у нее таких бед не было, а теперь... будто тянутся вечные неудачи. И эти неудачи перекидываются с нее на ее близких. Стоит кому-то поделиться с ней радостной новостью или планами, как все рушится в одночасье. Сначала я подумал, что кёрсер – она, но когда увидел ее, понял, что

она человек. Теперь слежу за ней, чтобы знать, кто же на нее так влияет.

– Думаешь, кёрсер объявится в парке?

– Не знаю. Но чувствую, что да. Я уже проверил всех ее друзей, всех студентов и всех, кто живет в ее общежитии. Разные были кадры, но точно не они. Должен быть кто-то другой.

– И ты надеешься увидеть его, сидя на скамейке, – саркастически заметила Даниела.

Она приподняла голову вверх, закрыла глаза и полной грудью вдохнула свежий весенний воздух. Кайл отвлекся от людей, ее фразу он пропустил мимо ушей, потому что грудь Даниелы так соблазнительно вздымалась вверх, что грех было бы не полюбоваться. Тем более, что одета она была по погоде, а белая футболка с вырезом под расстёгнутой курткой была очень даже кстати.

– Давай пройдемся, – сказала она, что было для Даниелы вполне ожидаемо.

Кайл поморщился.

– Мне и здесь хорошо, – задумчиво проговорил Кайл, глядя на грудь своей девушки.

Даниела вскочила вдруг. Она взяла руки Кайла и быстро заговорила:

– Ну давай! Пошли! Пошли! Пошли! Пошли! Пошли! Вставай! Вставай! Вставай!! Идем! Пройдемся!

Спорить было бессмысленно и невозможно, да и не хоте-

лось. Кайл поднялся со скамьи, взял Даниелу под руку, и они пошли.

– Ты знаешь, что так, прогуливаясь, мы привлечем еще больше внимания, – сказал он.

– Ну и пусть.

– И тогда, если кёрсер здесь объявится, он тут же нас заметит. Они ведь сразу видят, кто воин света, кто – тьмы, а кто человек. Они даже фракции различают...

– Завидуешь? – весело спросила Даниела и рассмеялась.

– Демону? Нет, – улыбнулся Кайл. – Просто осторожничаю. Не хочу, чтобы он нас заметил и скрылся.

– Ну, заметит, ну скроется, ну и что? Значит, оставит сегодня девочку в покое и, возможно, хотя бы на сегодня ее несчастья прекратятся. Подари девочке передышку, пусть порадуется хотя бы одному нормальному дню, пока молодая. Может, ее парень сегодня все осознает, придет к ней мириться, цветов подарит, а потом ночью, как возьмет ее и уууххх...

Даниела снова рассмеялась.

– А если мы избавим ее от источника неудач, тогда у девочки будет не один такой день, а целая жизнь.

– Вот и следи, чтобы он не ушел, а не со мной спорь, умник. Ты, главное, найди его, а я догоню, ты же меня знаешь. А я и ударить могу, кёрсер мне не страшен. Не успеет на меня наслать свои энергетические программки-вампиров, как я его отпинаю. И не смотри на меня так умиленно, будто перед тобой ребенок мелкий. Хэй, отпинаю – еще как!

– Умиленно я смотрю на тебя по другой причине.

Даниела крепче сжала руку Кайла и тихо сказала:

– Да знаю я. Слушай, ты ведь за все эти года уже понял, как работает судьба. Если суждено – поймаем, даже если будет убегать. Если не суждено – да будь здесь армия таких, как мы – уйдет. Умей отдыхать, милый.

Они спустились к озеру, и пошли вдоль него. Кайл заглянул в воду, там можно было разглядеть рыб, а на поверхности кружились утки и лебеди.

– Давай их покормим, – сказала Даниела. – Я быстро перенесусь в магазин, если не хочешь покидать парк, возьму хлеб и вернусь, моргнуть не успеешь.

– Если я откажусь, что это изменит?

– Абсолютно ничего, – радостно ответила Даниела.

Он приблизилась, чтобы поцеловать его. Кайл почувствовал, как ее грудь коснулась его руки, а затем ее поцелуй – его щек.

– Иди, я подожду здесь. Но не торопись, на тебя и так здешний народ глазеет всюю. Спрячься так, чтобы тебя никто не видел.

– Обязательно.

Даниела отбежала и спряталась в кустах. Какие-то люди смотрели ей вслед, потом отвернулись и пошли своей дорогой, какие-то затем обернулись на Кайла. По их непонимающим взглядам он понял, что те, видимо, подумали, что очередная некультурная девушка решила справить нужду

на природе. На что Кайл пожал плечами и отвернулся от людей сразу, как разочаровался в незнакомых людях, внутри которых было так много грязи. И отвернувшись, он увидел ту, что искал. На той стороне озера в одиночестве прогуливалась девушка, тощая, несчастная. Она смотрела себе под ноги, погруженная в мир раздумий. Единственное, что ее отвлекло – это приветствие человека, который шел ей навстречу. Он всего лишь кивнул ей, она ответила взаимностью, и они разминулись. Просто пошли в разных направлениях.

Она ведь даже не видела его перед собой, но отреагировала первой. Кто ты?

Кайл взглянул на старичка, который поздоровался с девушкой. С виду всего лишь какой-то старик в пальто. Даже с такого расстояния можно было заметить его седеющие волосы под шляпой. Внутри стало нарастать странное чувство. Оставалось еще меньше минуты, чтобы распознать ауру старика, но Кайл уже был уверен, что он тот, кто ему нужен. Кайл машинально двинулся вперед, не желая выпускать из виду странного старика.

И спустя минуту, он понял, что не ошибся. Его зрачки сузились. Он нашел того кёрсера, которого искал. Кайл ускорил шаг, и в тот же момент кёрсер обернулся в его сторону. Но смотрел он не на Кайла, а на то, что было позади него. Кайл уловил этот взгляд, обернулся и увидел солнечное сияние в кустах.

Дани... Он понял...

Кайл обернулся обратно и встретился взглядами с кёрсером. В этот момент они оба, поняв всё, сорвались с места и побежали. Когда кёрсер обернулся, Кайл увидел его злобный взгляд, увидел, как сильно заколебалась его аура. И тут же, всем до единого, кто был возле Кайла, возле кёрсера, кто был в парке, почему-то понадобилось пройти через мост, который разделял Кайла и его добычу. И необходимость эта была настолько веской, что они все побежали на мост, создавая непроходимую толпу.

– Дани! – закричал Кайл, оборачиваясь.

Он хотел закричать ей, чтобы она хватала старика, но его голос исчез в шуме, который поднялся вокруг него. Бегущая толпа внезапно закричала, приглушая голос Кайла. Даниела не сдвинулась с места, когда увидела толпу вокруг Кайла. Она знала, что он пытался ей что-то сказать, хотел ей сказать, на какую цель собирался указать. Но она решила ждать. Люди же, вихрем бегающие вокруг Кайла, сбивали его, не давали проходу. Проталкиваясь сквозь людей, Кайл видел, как старик убегает все дальше и дальше. Он стал раздвигать людей, отталкивать, протискиваясь сквозь толпу.

Он наслал неудачу на меня, и под это влияние попало столько людей? Кёрсер такой силы? Сколько же он бед натворил и еще может натворить?

Кайл оттолкнул от себя еще одного человека, но с такой силой, что он улетел за ограждение. Обернувшись, Кайл

ужаснулся: это был ребенок, маленький мальчик. Он только что бросил в озеро мальчика.

Кайл повернулся к Даниеле. Она все видела и по его взгляду поняла, что он собирается прыгнуть вслед за мальчиком, чтобы его спасти, но и упускать кёрсера не собирался. Даниела поняла его с одного взгляда. Она кивнула ему, и тут же покрылась солнечным сиянием. Она знала, кто цель: тот единственный старик, который убегает, когда все люди так странно окружили единственного ангела в парке.

Кайл рискнул так же, как и его любимый светлячок. Понимая, что толпа не отдает себе отчета в своих действиях, он надеялся, что они потом дружно подумают, что у всех была массовая галлюцинация. Глупо, конечно, было надеяться, что вся толпа подумает, что внезапно около сотни незнакомых людей решили дружно накуриться в парке и устроили флешмоб. Но... на кону стояла жизнь мальчика. Из спины Кайла в мгновение выросли большие серые крылья. Ими он откинул людей, что бегали вокруг него. Затем, получив свободный проход на какое-то время, втянул крылья, разбежался и прыгнул в озеро за мальчишкой.

Это последнее, что видела Даниела перед телепортацией. Через секунду Даниела оказалась рядом с кёрсером. Она протянула руку, чтобы схватить его и в последний миг увидела его глаза, которые заполнились тьмой.

Старик насылал несчастья уже на уровне рефлексов. Даниела схватила его и сразу же телепортировалась. Причем

сделала это крайне неудачно. Она приземлилась не совсем там, где планировала. Она неосторожно наступила на булыжник, подвернула ногу и рухнула вниз, выпустив старика. Кубарем они покатались вниз. Даниела ободрала себе все колени и локти, получила несколько царапин на лице, прежде чем остановилась. Старик же ловко поднялся на ноги в первые секунды и преодолел крутой склон быстрыми и мелкими шажками, не получив не одной царапины... пока пуля не прострелила ему ногу и он не упал.

Даниела еле приподнялась на руках. Ее волосы и лицо покрылись пылью. Струйка крови, стекающая с брови, и поднятое вверх облако пыли мешало ей увидеть старика полностью. Но она понимала, что тот уже никуда не денется. Керсер приподнялся чуть вверх, он посмотрел на светлячка и был готов уже насрать на нее новое несчастье, как что-то твердое уперлось ему в затылок.

– Кто ты? И какого черта моя подруга в крови? – прозвучал голос над ним.

По красно-черному пальто Даниела узнала своего друга, расплывающегося перед глазами.

– Кёр.. сер... Ниро, это кёрсер, – еле выдавила она.

– Угу, – пробубнил Ниро и приблизился вплотную к старику. – Значит так: если ты сейчас не убереешь все неудачи с моей подруги, я выстрелю. Мне плевать, имею я на это право или нет. Ты демон, причинивший вред близкому мне человеку. А насколько мне известно, ваши проклятья исчезают

ровно в тот же момент, когда вы испускаете последнее дыхание. Так что своего я добьюсь в любом случае. Выбирай.

– Черт с вами, – выдавил из себя старик, держась за свою ногу.

Его глаза вновь наполнились тьмой на несколько секунд. А затем Даниела почувствовала облегчение.

– Все в порядке, – сказала Даниела, – он убрал проклятье.

– Что случилось? Тебя не было меньше получаса, а с тобой вон уже что случилось, – спросил Ниро.

– Кайл нашел этого кёрсера.

– Понятно.

Ниро взял под руку старика и подошел к Даниеле.

– Челси! – закричал он. – Нам пора уходить.

Глава четвертая

Тропа Красная: Челси

Старика мы связали. На глазах закрепили повязку. И оставили одного на какое-то время в пустой комнате с голыми серыми стенами. Порой Ниро приходилось допрашивать демонов. И хотя все они заявляли, что демоны никогда не предадут демонов, какую-то полезную информацию иногда из них вытащить можно. Оставив старика в комнате допросов, Ниро вышел и обратился к Даниеле.

– Веди Кайла, я не люблю держать в своем доме демонов больше, чем

требуется. А поскольку жертву высматривал Кайл, то ему с ним и заниматься.

– Ты хочешь, чтобы я пошла к нему в таком виде? – Даниела показала на свое исцарапанное тело. – Если Кайл меня такой увидит, то достанется не только кёрсеру, но и мне. Я уверяла его, что отпинаю кёрсера, а отпинали меня. Нет, сначала я наведаюсь к целительнице. А затем сразу отправлюсь за Кайлом.

– И что нам делать? – спросил недовольно Ниро, – сидеть и нянчиться с ним?

– Да делайте с ним, что хотите, главное, не убивайте.

– То есть, – весело вмешалась я в разговор, – ты сейчас хочешь исправить свою ошибку, исцелить себя и оставить это втайне от своего дружка? А как же главный ваш принцип «Нет доверия – нет отношений»?

– Вот чтобы было доверие, чтобы он не беспокоился обо мне как о маленькой девочке, пускай будет уверен, что со мной всегда все будет в порядке. В бою ему лучше концентрироваться на сопернике, а не на моей защите. И кстати, ошибки моей не было. Этот старик – сильный кёрсер. По его воле все, кто был в парке, сбежались к ангелу, чтобы воспрепятствовать его преследованию. И ему хватило одного мгновения, чтобы прицепить на меня неудачу такой силы, что после телепортации я ободрала себе все, что только возможно. Я, конечно, не против ободрать колени лишний раз, но только если в любовных утехах со своим ангелом. А не из-за старика. Аккуратней с кёрсером.

Даниела пообещала, что вернется так быстро, как это будет возможно, и, засиявши, испарилась, оставив меня с Ниро наедине. Немного подумав, я предложила допросить кёрсера, не дожидаясь Кайла. Ниро не особо желал заниматься подобным, но после уговоров своей красноволосой ученицы согласился.

Мы вошли в комнату. Шестидесятиваттный и единственный источник света над головой старика разделял комнату на две зоны: одинокий конус, заполненный светом, внутри которого сидел связанный заложник, и тьма, окружаю-

щая этот единственный островок света. Под светом лампочки можно было заметить парящие ворсинки пыли. Старик уже успел уловить запах засохшей крови на полу. По серому холодному полу застучали каблуки от мужских и женских сапог. Шаги все приближались, пока мы не вышли из темноты

Я слышала о кёрсерах только в теории, и ни разу еще не видела их. Сбегать они умели лучше всех. А этот, как оказалось, еще и любил поговорить.

– А вы не особо гостеприимны, светлые, – сказал старик, когда с его глаз стянули повязку. – Ни тебе чая, ни тебе кофе. Я знавал одного беса, он всегда предлагал мне выпить первым делом. Возможно, потому что он бармен... Но, в этом плане демоны гораздо добрее вас.

Ниро приставил пистолет к голове старика.

– Ну, у меня есть, чем тебя угостить. Хочешь? – спросил он.

– Нет, спасибо. Пожалуй, откажусь.

– Точно? Или тебе нужно предложить три раза? Правила приличия так и советуют поступать гостеприимным хозяевам.

– Нет, что вы... это лишнее.

Ниро убрал свой пистолет.

– Что же, вот и славно. Тогда рассказывай, почему наш друг тебя преследовал. Интересно узнать, твою версию.

Старик пожала плечами.

– Не знаю. Я никого не трогал толком. До самоубийства и тюрьмы никого не доводил. Выкачивал из людей нужную мне энергию в пределах разумного...

– Из кого выкачивал? – спросила я.

Мой черный топик заставил старика на какое-то время замолчать. Он не сводил глаз с моей груди, на которую падали локоны красных волос и на которой были скрещены руки.

Старик помедлил с ответом. Раскрывать свои карты ему явно не хотелось. Но ответ у него требовали.

– Из студентов... среди которых я рад был бы тебя видеть, – признался старик, облизывая губы. – Ты бы часто ко мне бегала, чтобы сдать зачет. И в таком наряде у тебя явно были бы шансы... закрыть мой предмет только на индивидуальной встрече в неформальной обстановке.

Нет ничего, что могло сравниться по силе с детскими эмоциями, желаниями, страхами и энергией, выкаченной из них. И поэтому дети – были любимейшим лакомством для демонов. Это знали все. Но для детей это оборачивалось самыми горькими последствиями. Поэтому манипуляции с детьми приравнивались к таким же преступлениям, как убийство. Демоны знали это, и после объявленного Перемирия между силами Света и Тьмы, они старались не трогать детишек.

Старик стал преподавателем и черпал силы из студентов. И преподавателем он был скверным: предмет преподавал паршиво, но требовал от студентов полного подчинения.

Придирался к каждой оплошности. Оценивал строго, выискивая даже самые мелкие ошибки. Заставлял переписывать рефераты, если находил в них опечатку, или, не дай Боже, они были написаны не тем шрифтом! Даже если бы он не был демоном, такие вещи все равно хорошенько изматывали бы студентов. Поэтому и не возникало вопросов, почему студенты после его предметов чувствовали себя выжатыми.

– Полюбуйся, Челси, – сказал Ниро, когда мы узнали все это о старике, – перед тобой типичный демон низшего класса, который всю жизнь мечтал о власти, не имея ее.

– Челси... Красивое имя у тебя, дитя, – сказал старик. – А глаза-то какие у тебя редкие! Под стать твоей ауре.

Он пристально всматривался в нее и не мог перестать улыбаться. А затем обернулся к Ниро и спросил у него, знает ли он, что я за девушка.

– Она человек, ты и сам это видишь, демон.

– Да, – согласился он, – но зато какой! Ты не видишь того, что вижу я, охотник. Энергетика у нее... такой еще ни у кого не видел из ныне живущих. Я слышан лишь по легендам о такой ауре.

Ниро хотел было подойти к кёрсеру, возможно даже заткнуть его, чтобы лишний раз не наглед в разговоре, но я остановила его.

– Что такого необычного в моей ауре? – спросила я.

– Боюсь, ответ на это я найти не смогу. И никто не сможет. Невозможно объяснить то, о чем никто еще не знает.

Ниро наклонился к Челси и прошептал ей:

– Не верь ни единому его слову. Демоны – искусные манипуляторы. Они знают, что и кому нужно говорить, чтобы добиться желаемого. Не ведись, чтобы он ни говорил тебе.

Но отвести взгляда от ухмыляющегося старика я уже не могла. Он затронул мое любопытство.

– У меня к вам предложение, – сказал кёрсер.

– Нет, – ответил Ниро.

– Вы даже не выслушали.

– Все равно нет. С демонами мы работать не будем.

– А очень зря. Вы не представляете, чего мы могли бы достигнуть, какой красоты, если бы светлые и темные работали вместе, – говорил старик, не отводя взгляда от глаз Челси.

– У вас, светлых, всегда были проблемы с доверием.

– Не потому ли, что вы, демоны, всегда обманывали нас?

– Справедливо. Но сейчас, когда я вижу перед собой такую красоту... Я бы хотел вам помочь. Не без взаимной услуги с вашей стороны, конечно.

– Исключено.

– Ниро, можно тебя на секундочку? – спросила я, а в ответ получила лишь удивление в глазах товарища.

– Так, а вот это мне не нравится.

Ниро снова вытащил пистолет. Он подошел к старику, приставил ствол к голове кёрсера.

– Сейчас ты признаешься, что морочишь голову бедной девушке. Признаешься, что ты увидел, что она новичок, че-

ловек, и что решил этим воспользоваться. И сделаешь это, чтобы не получить угощение, о котором смел заикнуться в самом начале.

– Предлагаю сделку.

– Еще раз повторяю: никакой сделки с демонами. Переговоры о совместных действиях ведутся только с лидерами фракции. И я сильно сомневаюсь, что ты один из них. У демонов-лидеров хотя бы есть честь, в тебе ее ни грамма. В переговорах отказано.

– Что если я докажу, что я сильный кёрсер? Возможно, достаточно сильный, чтобы являться лидером фракции? Заговоришь ли тогда? Поверишь ли, что и я обладаю честью?

Ниро взвел курок.

– Если спустишь спусковой крючок, и я останусь жив – это послужит доказательством моей причастности к самым сильным и уважаемым демонам?

Его глаза потемнели вновь. Ниро, не посчитав нужным вести переговоры дальше, нажал на спусковой крючок. Выстрела не последовало.

– Что, осечка? – радовался кёрсер. – Такое раньше бывало с твоим оружием? Могу поспорить на свою жизнь – нет.

– Не случилось, – удивился Ниро. – Посмотрим, как ты справишься с этим.

Ниро вытянул свою руку в сторону, разжал ладонь и в ней засиял свет, превратившийся в меч. Он размахнулся.

– Ниро, стой! – закричала я.

Ниро вонзил свой меч. Ахнув, я поднесла руки к своему лицу, и услышала вопль. Открыв глаза, я увидела, что старик все еще был жив. Меч торчал в его руке.

– О как! Смотрите-ка! – обрадовался Ниро. – От меча не увернулся. Значит, убить тебя мы все еще можем. Советую тебе об этом не забывать.

Я подбежала к Ниро, схватила его за руку и отдернула в сторону, встав между ним и кёрсером.

– Он доказал свою силу. Посмотри, с какой легкостью он наложил неудачи на Кайла, Даниелу и тебя. Ему понадобилось на это меньше секунды. Давай отойдем. Мне есть, что тебе предложить.

Старик продолжал довольно улыбаться. Он позволил себе утешиться картиной, которая резко возникла перед его глазами, а точнее моими упругими бедрами, втиснутыми в кожаные штаны. Еще старик заметил татуировку у меня на лопатках: два черепа, объятых пламенем (красным огнем горел тот, что выше, а второй – белым).

– Татуировку, небось, сама придумала? Не во сне ли?

Я обернулась. Промолчала, но мой неприличный жест старика без ответа не оставил. Я развернулась и потащила Ниро за руку. Там, уже за дверью, я сказала ему:

– Послушай, прежде, чем ты скажешь, что он запудрил мне голову, что он врет и хитрит и не стоит верить ни единому его слову, помни, что свою силу он доказал. Он, действительно, может быть сильнейшим из кёрсеров и быть их

лидером.

– Между Светом и Тьмой не может быть заключено сделок на совместную деятельность.

– Да, поэтому сделку заключу я – человек.

– Челси, думай! – Ниро положил руки на мои плечи и встряхнул меня. – Он сильный демон, но далеко не лидер. Как он получил такую силу? Он хитер: лавируя между гранью дозволенного и желаемого, он выбрал самый легкий способ. Студенты – уже не дети, но еще не взрослые. Вселять неудачи, неуверенность в них – преступление не тяжкое. А их мечты, радости все так же сильны, как и в детстве. Их переживания и страхи все еще по-детски наивны. Исключение составляют только хитрые студенты, но такие, явно, на его занятиях не появляются. А те, кто постоянно учатся, учатся и учатся – бессильны против него. Их настроения зависят от оценок, чем он и пользуется. Ему даже не всегда нужно прибегать к магии, чтобы создать в них нужные эмоции для подпитки. И неудачи они переживают по-детски тяжело. Их самооценка достаточно шаткая, чтобы сделать их легкой подпиткой. Лидеры фракций никогда не идут легкими путями. Он всего лишь демон, трусливый, хоть и сильный. Живет жадой власти, потому что только так этот жалкий демон может самоутвердиться в этом мире: перед студентами, детьми, не умеющими еще противостоять взрослым.

– Тогда воспользуемся его жадой власти, – прошептала

я. – Дадим ему столь желанное величие.

– Не понимаю, о чем ты, – сказал Ниро.

– Он хочет сотрудничать, так пусть сотрудничает. Если он так жалок, как ты считаешь, то он пойдет на все, лишь бы сохранить свою шкуру. Даже на предательство. Да, демоны своих не сдают, потому что даже у них есть честь. А у него – нет, в этом ты тоже прав. И когда он почувствует, что может стать сильнейшим демоном в городе или даже стране, тогда он сделает то, что нужно нам. И не потому что вынужден, а потому что сам того будет хотеть. Главное – правильная мотивация. Некоторые люди это хорошо понимают.

– Челси, это бред...

– Это внутренний маркетинг, Ниро. Вещь, которую не объясняют ни демонам, ни воинам Света. Нужно создать правильную мотивацию, чтобы работник сам был заинтересован работать качественно и усердно. И его мотивация – быть самым властным. Мы не можем дать ему силу. Но можем избавить город от тех, кто сильнее его. Сам подумай, насколько легче станет нам искать оборотней, когда сильнейшим демоном в городе, или даже в стране – будет он, – я указала на дверь, за которой сидел ожидающий кёрсер. – Нам нужно собрать их всех в одном месте и уничтожить одним махом. С таким демоном, который насылает несчастья и неудачи с такой легкостью – это шанс, который мы не имеем право терять. Организуем собственный шабаш ведьм, на который не посчастливится прийти только тем демонам,

которые заслуживают смерти. Уверена, такими он считает всех, кто сильнее его. И всё! Дальше нас будет вести судьба и неудачи демонов.

Ниро молчал, обдумывая мои слова. На этот раз уже я положила руки на его плечи.

– Соглашайся. И тогда нашим поискам Аврелия и убийцы моих родителей ничто не будет мешать.

– Это ничем хорошим не окончится, – сказал Ниро после раздумий.

– Войны никогда не заканчиваются хорошо. А это – война, хоть и скрытая. Все, что мы можем сделать, – это сократить число жертв. Я пошла. Сделку заключу я. Решай, помогать мне или стоять в стороне.

Конечно же, охотник не мог остаться в стороне. Он последовал за мной.

– Все обсудили, голубки? – съехидничал кёрсер.

– Молчи и слушай, – заткнул его Ниро.

– Вот наше условие сделки, – сказала я. – Ты соберёшь всех сильных демонов, за которыми числятся серьезные преступления. Ты за секунду способен наложить сильное невезение на любого. А значит, если постараться в течение нескольких дней, то сможешь сделать это. Пусть невезение ведет в наши руки демонов.

– И где я их соберу?

– Фантазию включи. Организуй своего рода вечеринку, чтобы они все явились на нее, ничего не подозревая. И мы

должны знать в лицо каждого, кто там будет, чтобы не допустить случайных жертв среди невинных.

– И что же будем потом?

– А ты не догадываешься? Наверняка, догадываешься...

– Вы их убьете, – ухмыльнулся кёрсер. – Собрать разом всех сильных демоном и с легкостью расправиться с ними со стопроцентной вероятностью, поскольку удача будет не на их стороне. И тогда...

– И тогда ты останешься единственным сильным демоном, как минимум в городе. И чем сильнее ты постарайся, тем дальше будет распространяться твое...

– Величие?

– Не хотела бы я это так называть, но... да.

– Что же... Это довольно смелое предложение...

– А другого не будет. Либо выполняешь, либо умираешь.

– Звучит так, будто у меня нет выбора. Но что за сделка с выгодой только для одной из сторон? Своё вы высказали, тогда слушайте мои требования: вы оставите меня в живых, не убьете ни после операции, ни в любой другой день, когда наши дороги будут пересекаться.

– Не наглей, – вмешался Ниро. – Это все равно, что позволить тебе любые преступления, даровав иммунитет от наказаний.

– Ваш запрос тоже нескромный. Хорошо, даруете мне жизнь на десять лет.

– На год, – сказала я. – Договор будет расторгнут, если

твои действия будут направлены на воинов света или приведут к смертям.

– Вообще-то, это стандартные условия сосуществования сил Света и Тьмы в мире. Не вижу выгоды.

Ниро схватил старика за седые волосы и приставил лезвие меча к его горлу.

– Ты помогаешь нам и становишься самым влиятельным демоном на этой территории. Всё! На других условиях ты нам не нужен. Я не собираюсь давать разрешение на убийства, а иначе то, что ты предлагаешь, не назовешь.

– Хорошо – хорошо... хорошо, – залепетал кёрсер.

Ниро отпустил старика и отошел в сторону.

– Договор скрепляем клятвами, охотник, – сказал демон.

– Сделку ты заключаешь со мной, – сказала я. – Ты ведь этого хотел: работать вместе с редким экземпляром бок о бок.

Старик облизнул свои губы. Он переводил хитрый взгляд то на Ниро, то на меня.

– Хитро. Что ж, раз выбора у меня нет – я согласен.

Он кивнул в сторону веревок на правой руке и перевел взгляд на Ниро, затем снова на веревки. Нехотя, охотник освободил от пут старика. Кёрсер протянул мне руку и произнес:

– Клянусь собрать всех самых сильных демонов, которых только смогу, и сделать так, чтобы вы одержали легкую победу в сражении с ними. Клянусь сотрудничать с тобой, че-

ловеком.

Я посмотрела на Ниро. Мы встретились взглядами. Затем Ниро отвернулся. Его глаза говорили, что он считает этот поступок ошибкой. А мимика будто за него сказала: «Поступай, как считаешь нужным». Я сжала руку старика и сказала.

– Клянусь, что твою жизнь сохранят на протяжении всей операции и что мы не будем преследовать тебя или попытаться навредить, если ты не переступишь закон. Клянусь сотрудничать с тобой, демоном.

Я могла поклясться, что заметила, как на мгновение возле наших рук всполохнуло черное пламя. И как только оно погасло, открылась дверь, и в комнату вошли Даниела и Кайл, который быстрым шагом направлялся к демону.

– Из-за этого ублюдка сегодня чуть не погиб восьмилетний мальчик.

Кайл занес руку на кёрсером, и в его ладони засверкала формировавшаяся молния.

– Стой! – встал у него на пути Ниро. – Мы не можем его убить теперь.

– Что это еще значит? – удивился Кайл.

Ниро обернулся. Перед ними сидел ухмыляющийся старик, а рядом стояла я, и почему-то чувствовала себя до ужаса виноватой перед Кайлом.

– Я только что заключила с ним сделку, скреплённую клятвой.

– Ты сделала что?! – вскричала Даниела

– Я поклялась, что мы не убьем его, пока сотрудничаем с ним. И оставим в покое, не навредим, если он не нарушит закон.

– Челси, что ты только что натворила? – спросила Даниела.

– Послушайте...

– А ты изменилась, дорогуша, – обратился старик к Даниеле. – Твои ссадины и царапины так быстро исчезли, и обувь, вижу, сменила.

Теперь вину выражали глаза Даниелы. Она с ужасом посмотрела на Кайла. Тот понял все без лишних объяснений. На этот раз он не вытерпел. Что в принципе и не очень удивительно: весь день шел ни к черту, сначала от него демон ушел, наслав на него толпу обезумевших людей, чуть не погиб ребенок. Так, оказывается, его девушке еще и вред причинил какой-то старый демон, о чем сообщать, кстати, Даниела посчитала не столь уж и обязательным. Старик заморозил голову человеку, заключил договор, выманив из девочки клятву, да еще и потешается. Кто-то здесь явно напросился.

Кайл ударил кёрсера по лицу так сильно, как только мог. Его голова резко отшатнулась назад.

– Дани, – сказал Кайл, отходя от старика, – нам надо будет еще раз обсудить то, что именно мы понимаем под словом «доверие».

Старик сплюнул кровь на пол.

– Одна красная, вторая рыжая, – сказал он, – красиво.

А у вас, господи, что? Какой-то фетиш по поводу ярких цветов?

Кайл снова замахнулся на старика. Последний вскинул свободную руку перед собой и быстро заговорил.

– Ладно-ладно-ладно! Я понял. Простите. Видимо, вы сейчас не в настроении для шуток.

Кайл остановился. Он перевел дыхание и отошел от старика. В комнате на какие-то несколько секунд воцарилась тишина. Кайл и Даниела смотрели на меня, ожидая объяснений. Молчание прервал старик.

– Кхм-кхм... Милая тишина, конечно. Ваша подруга с такими редкими и красивыми глазами непременно вам объяснить наши планы. А пока, может, вы освободите меня, чтобы я мог приступить к делу?

Глава пятая

На этот раз пришла очередь Госпожи Блесс пообщаться с Котом наедине.

– Приветствую Вас, – услышала она, как только ступила во тьму.

Хозяин здешних мест долго себя ждать не заставил. Он тут же вышел из мрака, все в той же смешной зимней шапке и в хипстерских очках. Он подошел к ее ногам, боком потерся об них и зашагал то кругами, то путаясь под ногами. Госпожа Блесс наклонилась и почесала подбородок Коту.

– Что-то вы поздно, – сказал Кот.

– А куда мне спешить? – улыбнулась она.

– Не знаю, я думал, у вас с Мистером Уором гонки: всегда пытаетесь обогнать друг друга во всем.

– Не всегда. Иногда я даю обогнать себя в чем-то. Чем чаще он ошибочно полагает, что на шаг впереди меня и считает, что очередная партия выиграна, тем быстрее исчезает с поля. А я... могу еще какое-то время провести на этой шахматной доске, расставляя фигуры так, как выгодно мне. И никто не мешает.

Блесс погладила Кота, затем поднялась и пошла вперед.

– Покажешь ветви? – ласково спросила она.

– Все, что пожелаете, – ответил Кот.

Он догнал свою Госпожу. Через несколько секунд перед

ними выросло Белое Древо. А еще через несколько минут они стояли у разветвления красной и бледной тропы. Блесс присела, ощупала обе ветви. Встав, она оттряхнула руки от красно-бледной пыли.

– Скажи мне, Котик, – заговорила она после недолгого молчания. – А почему я вижу только одну красную ветвь? Вот, что мне показалось странным... Бред, конечно, но... Разве жизни тех, с кем сталкивается Красная Челси, не должны отличаться от своих же жизней в мире Бледной Челси? Если так... то где их красные ветви?

Кот молчал.

– Глупость, правда? – довольно говорила Блесс.

– Госпожа, этому есть причины...

– Например: Уор сказал тебе спрятать их от меня? И ты повиновался. Ох уж его эти игры. Другого я от вас и не ожидала.

– Порой вы бываете слишком строги к Уору, Госпожа.

– Да? Думаешь? Хм... странно, отчего же это? Не потому ли, что вот уже тысячи лет у нас война, а он – отец всех демонов?

– Госпожа, простите мне мою прямооту, но не вы ли создали светлых существ, чья миссия была – уничтожать демонов?

– Нет, не я. Я создала воинов света, чтобы те оберегали мир людей, не способных противостоять демонам. Я все прекрасно помню. Наш мир был прекрасен. Люди жили своей жизнью, не всегда идеальной, но на то они и люди. По-

ка на пылающем огне горизонте не появился Двуликий Бог со своей армией. Он вторгся в наш мир...

– А с чего вы взяли, что мир был только Ваш?

Кот почувствовал на себе тяжелый взгляд Богини, но не подавал виду, что это отозвалось тревогой глубоко внутри.

– Простите мне мои манеры: не культурно перебивать Богов. Но у меня нет других собеседников, а вы всегда спорите, не слушаете, и вставляете свои изречения везде, где услышали паузу в речи оппонента. Я подумал, у нас так принято общаться. Так о чем это я?

– С чего я взяла, что мир был только мой? Поясни, раз сказал.

– Мистер Уор не мог появиться из ниоткуда так внезапно. Он существовал столько же, сколько и Вы. Возможно, просто возможно, он жил в тех местах, что не были доступны вашему взору. Но это не значит, что он пришел из мира иного. Ваш мир, его мир – это все лишь две половины одного общего. Он не вторгся. Просто ваши миры столкнулись вместе. Как и люди, встретив что-то непохожее, противоположенное, что-то, что за гранью вашего понимания, вы выбрали тот способ защиты, который показался вам наиболее приемлемым. Заиграли ваши инстинкты самосохранения, и это заставило вас обнажить мечи. Я это к тому, что... Вам не казалось, что если бы вы не воспринимали друг друга как вечных врагов, то мир обошелся бы без стольких войн

и убийств?

– Коооотик, – протянула Блесс.

Она снова присела и приложила руки к голове Кота, вглядываясь в его глаза, а затем сказала:

– Если бы я не восприняла бы Уора как врага, он бы попросту уничтожил все, потому что именно врагом он и является. И мое отношение к нему истину никак не исправит. Эх, Котик-Котик...

– Я не люблю, когда меня называют «Котик». Я все-таки высшее существо, а Вы обращаетесь так, будто я ребенок...

Блесс снова стала чесывать подбородок Кота, который он вытягивал все сильнее и сильнее, наконец замурлыкав от удовольствия.

– Для нас ты ребенок и есть. Когда ты ищешь для нас компромиссы, пытаясь нас примерить, ты только подтверждаешь это.

– Вам бы обоим тоже не мешало научиться идти на них...

– Не верь Уору. Не забывай, что Двуликий Бог не просто так получил свое имя. Он затуманит разум и заставит делать то, что он от тебя ждет.

– Только не в этом мире.

– Не надо недооценивать Богов, Котик. Мы все-таки сильнее и старше. Но возвращаясь к тропам...

Блесс приподнялась на ноги, а ее улыбка с лица исчезла.

– Показывать мне ее не надо. Раз принял решение прятать – прячь. И пускай тебя мучает совесть, у тебя-то она

есть. Но, скажи мне, милый, что делают с котами, когда они гадят прямо на глазах у хозяев?

– У меня нет..

– Отвечай!

Кот виновато склонил голову.

– Тыкают их лицом в их же...

– Неуважение. Правильно. Ты помог Уору помешать мне – теперь пора восстанавливать баланс.

– И как же я могу исправить свой проступок?

Блесс указала ему на колодец жизни под бледной ветвью.

– Я хочу, чтобы ты отправился туда и мешал пешкам Уора.

Так будет справедливо.

Кот глубоко вздохнул. Госпожа Блесс была серьезна, а Богов лучше не слушиваться в такие моменты. Кот виновато и послушно побрел к колодцу.

– Будет исполнено. М-да, как и сказали: мордой прямо в... свое творение.

Тропа Бледная: Челси

Прошел почти год с тех событий, как моих родителей убили. Многое с тех пор изменилось. Теперь я крашу волосы в белый цвет, оставляя брови черными, а глаза крашу в стиле смоки айс.

Сказать, что Женевьева помогла мне – ни сказать ничего. Она помогла мне с организацией похорон. Она продержала меня на зелье, лишаящем эмоций столько, сколько посчитала нужным. Эмоции вернулись, а вместе с ними – боль. Но за этот год я смирилась со многими вещами. С тем, что многие мои друзья – демоны. Женевьева отвела меня сюда, в бар Гретхен, в первый же вечер, уже после того, как я перекрасила волосы в белый цвет. И этот бар имеет неоднозначную славу. Кто-то проклинает это место, а кто-то считает началом своей новой жизни.

И ни то, что бы я работала здесь (мне совсем не приходится работать). Иногда я помогаю Рою по бару просто потому, что мне нравится этим заниматься, а других дел и вовсе нет.

Здесь уютно. Мне нравится его приглушенное освещение, нравится музыка девяностых и двухтысячных годов. Мы с Роем, барменом не без лишнего веса, всегда следим за чистотой в баре. Мне несложно порой прибрать со столов, довести барную стойку до такого сияния, что в ней можно видеть свое отражение. Рой очень чистоплотен. Он никогда

не вытирает руки об одежду. Носит все время небольшое полотенце, торчащее из заднего кармана. Он говорит, что я должна иметь такое же и не вытирать руки о фартук, но я постоянно забываю купить такое полотенце. Поэтому, прячась за его спиной, я тихо вытираю руки об его полотенце, вечно торчащее из заднего кармана. А он делает вид, что не замечает. От Роя всегда пахнет хорошим одеколоном, а от вещей – приятным ополаскивателем. Но это только в начале смены. К концу вечера вещи всех, кто находится в баре, пропитываются дымом сигарет.

Это, пожалуй, самый большой минус этого места. Ну кому захочется в конце дня, снимая с себя одежду, чувствовать этот мерзкий запах, будто вся одежда провонялась мокрой псиной с помойки. Рою стоило бы запретить курить в заведении. Но тогда Джой сюда больше не вернется. Что ж, ради него я готова терпеть прокуренный воздух. Еще я обожаю вечера, когда здесь играет что-то из классики: Rolling Stones, Beatles, Nirvana, Queen.

Джой тоже обожает эту музыку. Он, кстати, кёрсер: его питают неудачи, беды и горе окружающих людей. Кёрсеры привязывают невидимых демонов, которые преследуют жертву, портят ей жизнь, наполняя невезением и горем. А потом эти демоны возвращаются обратно к хозяевам и подпитывают их. Но самая полезная их способность – видеть других сверхъестественных существ. Охотники на демонов могут их чувствовать лишь интуицией, наверняка они не знают. Ан-

гелы могут увидеть лишь демонов, но для этого им нужно какое-то время. Но кёрсеры видят сразу. Это делало из них незаменимых дозорных в годы войны. Они всегда первыми знали о приближении врага, и всегда видели, кто есть кто.

Это умение нам тоже бывает полезным. Джой всегда приветствует случайно заглянувших демонов, и предупреждает, когда заглядывают воины света. В такие моменты постепенно все уходит из бара. Женестьева советует и мне уходить.

Почему-то она боится, что ангелы могут увидеть во мне что-то необычное.

Джой с ней согласен. В первую нашу встречу он сказал, что я самая особенная из тех, кого он встречал.

– Из людей? – уточнила я.

Джой лишь помахал головой, а его черная челка весело забегала у него перед глазами. Он поправил волосы, медленно закидывая их назад. Когда он так делает, я жалею, что рядом нет фотоаппарата. Он мог бы даже быть фотомodelью.

– Не только... – ответил он.

Рой тоже не любит, когда заходят ангелы. Рой осторожен и пытается не оставлять своих следов на детях (нет, он не педофил, а следы – энергетические). Согласно его философии, он не делает им ничего плохого. Но закон Перемирия остается законом. Поэтому он боится всякий раз, когда заходит кто-то из светлых. Но виду не подает. А выпивку – да, он предлагает ее первым делом. Светлые, когда выпьют, те еще демоны: тоже любят и повеселиться, и отдохнуть, и забыть-

ся. Сволочная все же у них работа...

Поэтому мы с Роем в таких случаях поступаем интуитивно: остается тот, чьи руки не будут дрожать, разливая алкоголь.

Смешно бывает наблюдать со стороны, как внушительных размеров бармен прячется в подсобках, когда заходит какой-нибудь молодой охотник на демонов, больше напоминающий наркомана.

Рой боится их еще потому, что он из низших классов демонов – из бесов. Он питается страхами. За годы работы в баре ему приходилось сталкиваться с разными видами людей. И как каждый демон, он выработал для себя собственный рацион питания. На самом деле Рой – добрый, но не показывает этого. Он сочувствовал стольким людям за этот год, но обнял лишь однажды. Этим счастливчиком, которая на себе познала его крепкие объятия, была я. Помню, как сильно прижимали его руки к своему мягкому животу, и как его седая щетина покалывала мой лоб. Знали бы ангелы, какое у темного беса светлое сердце...

Он и в трудную минуту поддержит, и выслушает, и совет даст дельный. А если слова не в силах помочь делу, что же... всегда есть бутылочка какого-нибудь адского пойла (водка, например).

А еще он любит детей. Так и не скажешь, когда знаешь, что порой он вселяет в детей ночные комары. Но у него есть на то свои доводы:

– Это же дети. Они познают мир, делятся эмоциями с окружающими. Некоторым просто необходимо рассказать друзьям, насколько страшный сон ему снился ночью, чтобы все вокруг завидовали. В ком-то есть задатки великой личности, и подтолкнуть их к своему предназначению, слегка напугав кошмаром, не такой уж и грех. Я прихожу только к тем, кому полезно лишний раз впечатлиться. Детские кошмары всегда были сильной подпиткой, мощнее страхов десятка взрослых. Но, благо, ублюдков в этом мире так много, что детишек мне трогать не обязательно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.